

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 26 ИЮНЬ 1985

ЛЕТО БАШКИРСКОЙ ДЕРЕВНИ

СОЮЗ НАУКИ И ТРУДА

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОМАНА ИВАНА СТАДНЮКА «МОСКВА, 41-й»

ТЕАТР-СТУДИЯ НА ЮГО-ЗАПАДЕ

Н. ХЛЕБОДАРОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА

ДОХ

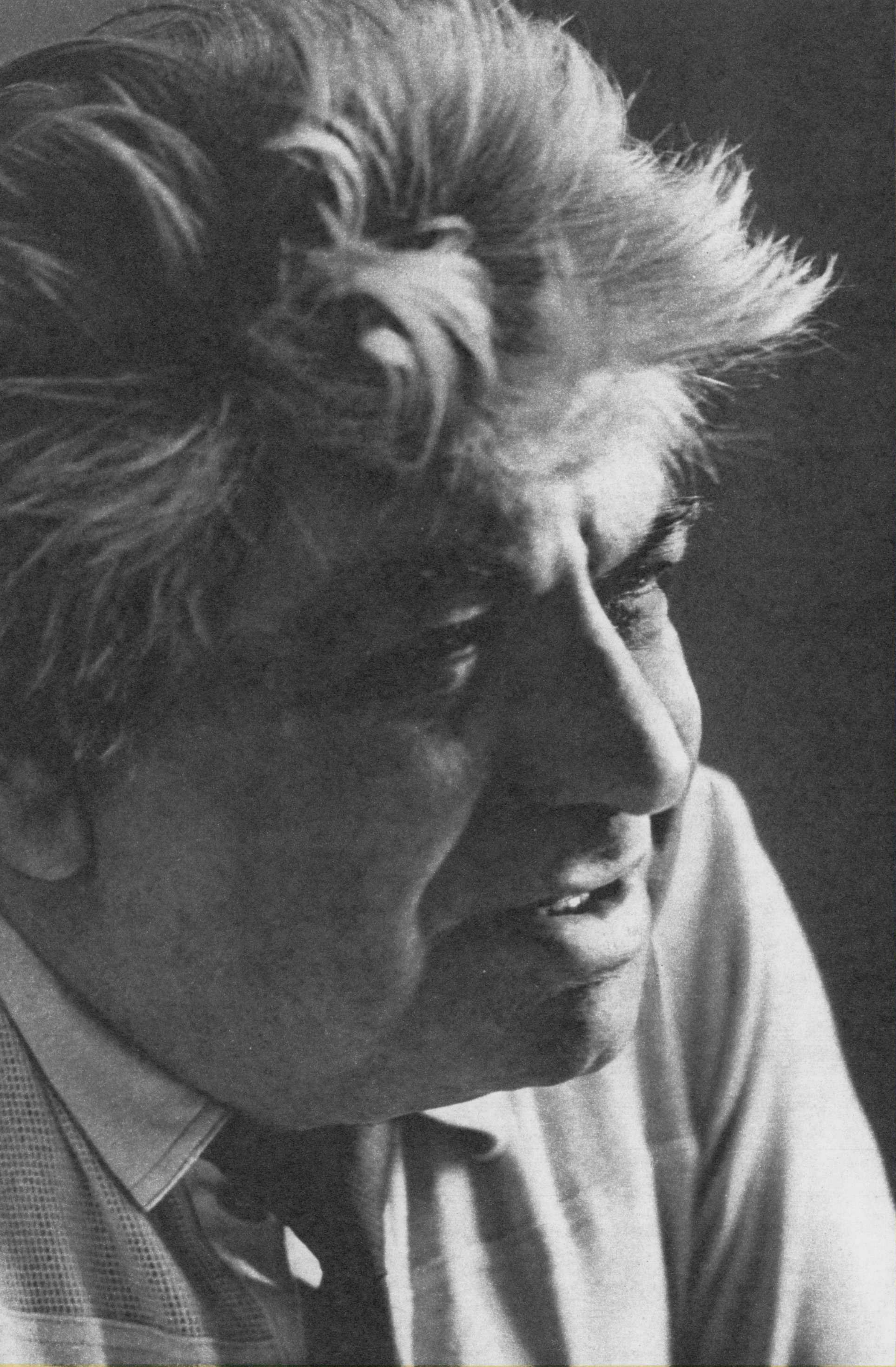
Василий Тополкараев поставил в электронный микроскоп очередной образец, и на экране специального телевизора вспыхнула необычная «картинка»: черно-белые полосы, напоминающие срез пахотной земли с проросшими семенами. Но белые «семена» не просто «прорастали», но и образовывали своеобразный «корсет», в котором находились частицы минерального вещества.

— Так выглядит структура нового материала — компонора,— объяснил исследователь.

Накануне в научно-производственном объединении «Норпласт» я видел плиты из этого материала — прочного, легкого, не подверженного коррозии. Сам за себя говорил и экономический эффект от применения компонора в горнодобывающей промышленности — 30 тысяч рублей на 1 тысячу тонн. А получен он из отходов промышленности. Полиэтилен как бы «прорастает» сквозь материал и придает ему такие неожиданные свойства, как ударопрочность, жесткость, износоустойчивость. Изделия из него могут работать при температурах от —60 до +70 градусов, высокой влажности, запыленности, в агрессивной среде...

В научно-производственном объединении встретился я с удивительно интересным человеком, энтузиастом и организатором важнейшего для промышленности всей страны дела Николаем Сергеевичем Ениколоповым. Лауреат Ленинской премии, академик Н. С. Ениколопов — председатель научных советов по синтетическим материалам и по применению полимеров в народном хозяйстве. Сфера его интересов настолько обширна, что коллеги по праву называют его современным Менделеевым. Крупнейший химик страны, он много сделал для решения проблемы комплексного использования сырья, безотходных технологий, доведения научных исследований до получения конечного продукта. Академик считает, что поскольку наука становится производительной силой, то она должна выдавать и конечный продукт. Его идея заключается в том, чтобы каждый последующий завод, предприятие работали на отходах предыдущего. В конечном итоге исходное сырье использовалось бы комплексно, с максимальной пользой для народного хозяйства.

И это не просто «академические» идеи, которые иногда претворятся

Академик Николай Сергеевич Ениколопов.

УСКОРЕНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА — ТРЕБОВАНИЕ ЖИЗНИ, МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ. ОБ ЭТОМ ШЛА РЕЧЬ НА НЕДАВНЕМ СОВЕЩАНИИ В ЦК КПСС, ОБ ЭТОМ СО ВСЕЙ ОСТРОТОЙ ГОВОРЯТ СЕЙЧАС В СТРАНЕ УЧЕНЫЕ, ИНЖЕНЕРЫ И КОНСТРУКТОРЫ, РАБОЧИЕ. ВНЕДРЕНИЕ НОВЫХ ЭНЕРГОСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВТОРИЧНЫХ РЕСУРСОВ — КОНКРЕТНЫЕ ШАГИ НА ЭТОМ ПУТИ.

в жизнь через много лет, если прорвутся в отраслевые институты и на производство. К сожалению, сегодня многим академическим институтам известен этот долгий путь, полный несбывшихся надежд и разочарований. Ениколопов, директор недавно созданного Института синтетических полимерных материалов АН СССР, сразу же взялся за разработку промышленных технологий на базе фундаментальных теоретических исследований.

Сегодня мы извлекаем из недр астрономические количества горных пород, складывая их в терриконы и горы отвалов, не знаем, куда девать отходы металлургических производств — шлаки, засоряем поля стеблями кукурузы, подсолнечника, тростника, коробочками хлопка, шелухой зерна... А ведь все это огромный резерв для создания совершенно новых материалов с заранее заданными свойствами.

— В бережливом хозяйствовании экономика все более переплетается с нравственностью, воспитывает у людей добросовестное отношение к труду, прививает им чувство рачительного хозяина,— говорит Николай Сергеевич Ениколопов.— Колоссальные материально-технические ресурсы надо рачительно использовать. Очень уж велики затраты сырья, энергии на единицу национального дохода страны. Не случайно главным рычагом интенсификации общественного производства является сейчас кардинальное ускорение научно-технического прогресса, активное разрешение новых проблем и устранение всего того, что мешает более быстрому движению вперед нашего общества. И чрезвычайно окрыляет ученых та творческая обстановка, складывающаяся сейчас в стране, стратегический курс

шину, и оттуда сыплется порошок, который можно использовать при производстве новых резиновых изделий. Самое удивительное, что этот процесс универсальный: им можно превращать в ценнейший порошок всё, вплоть до растительных отходов. Переработанная таким способом обыкновенная солома охотно поедается животными и усваивается намного лучше. Удивительно, но факт...

— Сегодня мы уже миллионами тонн производим самый «дешевый полимер» полиэтилен,— говорил академик.— Получаем мы его из лучших сортов бензина, который имеет один источник — нефть. На тонну полиэтилена уходит... более трех тонн бензина. Нетрудно посчитать, сколько нужно нефти только на один полиэтилен. А за последнюю четверть века мы израсходовали нефти и газа больше, чем за все прошедшие века.

Символично, что наш разговор с академиком Ениколоповым происходил за тем самым столом, за которым работал когда-то Дмитрий Иванович Менделеев на Кусковском заводе. Тогда он занимался проблемой керосина. Сегодня здесь лежат многочисленные материалы из так называемых наполненных полимеров, подтверждающих высказывания великого химика о ценности нефти.

— На производство любого продукта тоже необходима значительная энергия,— продолжал ученый.— Именно поэтому приходится искать более дешевые способы производства пластмасс, без которых не обойтись теперь ни в промышленности, ни в быту, или разрабатывать принципиально новые материалы, требующие значительно меньших энергозатрат. Одним из таких материалов и являются наполненные полимеры типа компонора...

...Я в лаборатории, где получен этот материал компонор.

Лаборатория структуры полимеров. Научные сотрудники Елена Акопян и Василий Тополкараев.

ОДЫ ОТ... ОТХОДОВ

экономической политики КПСС. Важнейшие стороны этой политики — рациональное, эффективное использование материально-технических ресурсов, введение революционных технологий.

Я бывал в новом институте, который возглавляет академик Ениколопов. Институт молод, но коллектив уже выдал промышленности и реализовал более десятка зрелых, весьма эффективных разработок на принципиально новых, прогрессивных технологиях. Расскажу лишь об одной.

Бичом всех автохозяйств была утилизация старых покрышек. Раньше их сжигали, но это так загрязняло окружающую среду, что сжигать их запретили. Сегодня их вывозят в специальные места и... закапывают в землю. Образуются горы покрышек, которые неизвестно, когда сгниют, но известно, что в будущем они сильно загрязнят землю.

Ениколопов посмотрел на старую покрышку как химик. «Она старая с точки зрения ГАИ, но новая с нашей точки зрения,— сказал он.— Разве сношенный протектор изменил что-то в многочисленных компонентах материала покрышки? Ровным счетом ничего. Так почему же нельзя вновь пустить ее в дело?»

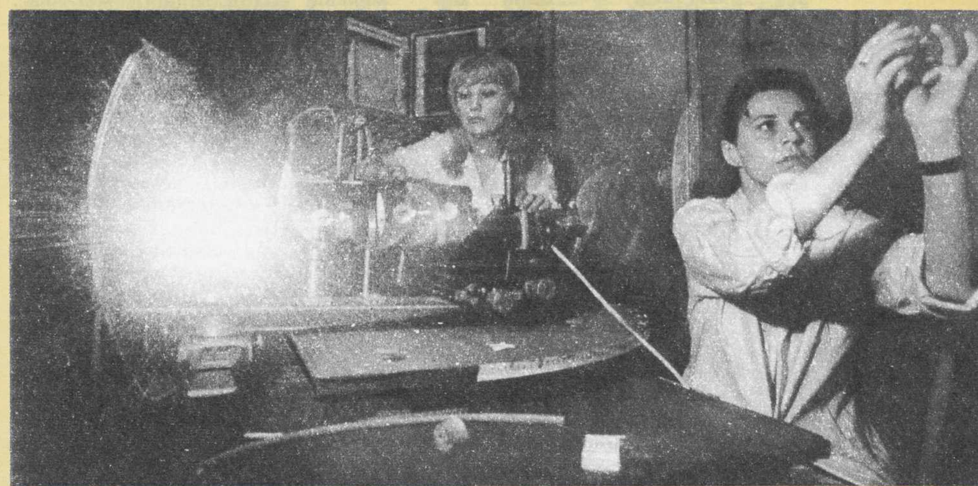
Однако технологии, позволяющей это сделать, не было. Покрышки резали в крошку. А дело это хлопотное, трудоемкое, да и крошка мало кому нужна. Ениколопов разработал новую технологию. И вот результат: покрышки загружаются в специальную ма-

— Родилось новое научное направление — наполненные полимеры, которые стали создаваться как бы выращиванием высокомолекулярных полимеров на минеральной «почве». Минеральную массу мы словно «сшиваем» полиэтиленовыми «нитками»,— говорит мне старший научный сотрудник Василий Тополкараев.

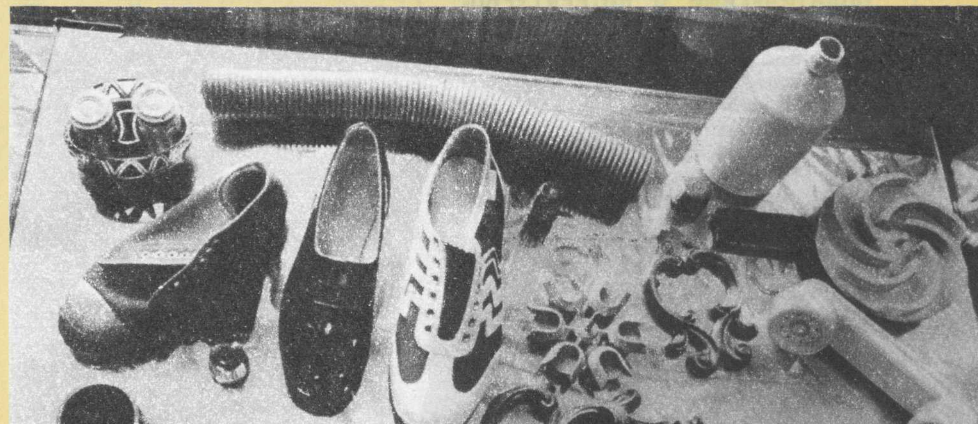
Потребность в полимерных материалах растет, но свойства их уже не устраивают современную промышленность и потребителей. Наполнение неорганическими веществами коренным образом меняет свойства полимеров. При этом мы не только наполовину экономим дефицитный полиэтилен, но и добиваемся значительного улучшения изготавливаемых изделий. Наполнитель может придать изделию такие свойства, которых у полиэтилена нет.

Любопытно, что самого полиэтилена в компоноре малое количество. Есть только необычный «корсет» — структура, которая удерживает наполнитель. Что касается наполнителя, то им может быть все: и горные породы отвалов, и шлаки металлургических заводов, и растительные отходы — стебли, коробочки хлопка, шелуха зерна, зола и пыль. Так отходы становятся... доходами.

Здесь изучаются материалы с помощью лазера. Научный сотрудник Елена Нечволодова и аспирантка Елена Логутенкова.

Сделано из... отходов.

СКОЛЬКО СИНИЦ НАД МАГНИТКОЙ?

Галина КУЛИКОВСКАЯ

На совещании по вопросам ускорения научно-технического прогресса, состоявшемся недавно в ЦК КПСС, было обращено внимание на то, что в черной металлургии за последние пятнадцать лет большая часть предоставленных капиталовложений направлялась на новое, к тому же некомплексное строительство, тогда как техническому перевооружению предприятий внимания не уделялось. Это привело к тому, что отрасль не справилась с выполнением заданий десятой и одиннадцатой пятилеток.

Как складывались дела на крупнейшем в стране металлургическом комбинате — Магнитогорском!

Достаточно пройтись по многочисленным цехам и корпусам в городе черного металла на левом берегу Урала, чтобы понять, сколько тут мартенов и станов, которые могут служить своего рода мемориалом подвигу тружеников, самоотверженно продлевающих им жизнь: на памятных досках даты рождения — 1932 год, 1933-й, 1935-й... Почтенных ветеранов, давно достигших потолка своих возможностей, во время капитальных ремонтов многократно обновляли, улучшали технологию вместо того, чтобы менять оборудование на более высокопроизводительное, повышающее качество металла. Магнитогорцы не раз выступали с предложениями по реконструкции сталеплавильного производства, их горячо поддерживали Челябинская областная и Магнитогорская городская партийные организации, но все осталось по-прежнему. Обратимся к некоторым фактам пятнадцатилетней давности и более поздним.

Год 1969-й. Почти сорокалетняя, достигшая зрелого возраста Магнитка явила пример социалистических темпов развития: по производству стали опередила все известные в мире металлургические предприятия. Еще в памятные дни подготовки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина она подняла знамя социалистического соревнования за технический прогресс.

«Наш комбинат и старый, и новый. Техника тридцатых годов рядом с современной. Совершенствуем иногда до такой степени, что, например, немецкие конструкторы, увидев свои станы «250 № 1» и «250 № 2» в проволочно-штрипсовом цехе, вряд ли опознали бы их,— говорил А. Д. Филатов, бывший тогда директором комбината («Огонек» № 17, 1969 г.).— Строится новый кислородный цех, в перспективе цех гнутых профилей, будет построен цех покрытий белой жести. Пускаем стан «2500» холодной прокатки, он даст лист, из которого на ВАЗе «сошьют» кузов нового автомобиля... Основная проблема у нас вот в чем: надо добиваться увеличения выпуска стали. Была бы моя воля, я бы наши мартены заменил конвертерами... Но пока они для нас синица в небе...»

Вот когда назревала необходимость перевооружения сталеплавильного производства. Магнитка боролась за сталь своими силами. Боролась, как известно, не в одиночку, а параллельно с Череповецким заводом. Вопреки мнению ряда специалистов на этих двух предприятиях большегрузные мартены были переделаны на двухванные печи, в два с половиной раза увеличившие выпуск стали. На таких печах работать нелегко, резко возрастает интенсивность труда, увеличивается загазованность в цехах, несколько меньше выход годного металла... Но это же была вынужденная мера, продиктованная острой необходимостью!

Год 1976-й. Новые станы построены, но актуальность проблемы возросла, как никогда. «Подождите еще, не пробил ваш час,— говорили Магнитке.—Вот подымем «Азовсталь», Череповец, Липецк... Вам ведь не впервой идти на выручку...» И Магнитка шла на выручку, терпеливо ждала. Ждала и готовила себе будущее. Магнитогорский Гипромез разработал проект технической реконструкции комбината. Прошел еще год, но средства даже на подготовку строительной площадки не предоставлялись. Этот проект так и повис в воздухе. Министерство не торопилось. Ведь Магнитка тянула, вытягивала, наращивала производство без дополнительных затрат, да еще как: с прекрасными показателями в начале десятой пятилетки.

«Производительность труда на комбинате почти в два раза выше, чем в среднем по отрасли,— выше, чем на металлургических заводах США. Предприятие стало самым рентабельным среди всех родственных, хотя мы и работаем в основном на привозном сырье: в 1977 году дали государству 570 миллионов рублей чистой прибыли»,— рассказывалось на страницах «Огонька» (№ 2, 1978 г.).

И не случайно, а за большие заслуги флагмана тяжелой индустрии именно в Магнитогорск на плавку дружбы, посвященную 60-летию Октября, слетались сталевары социалистических стран...

Одиннадцатая пятилетка поставила перед металлургами большие задачи: не просто увеличить выпуск продукции, а ее эффективные виды — лист и жесть с защитными покрытиями, холоднокатаную ленту, фасонные и высокоточные профили проката, и, что особенно важно, высокого качества. От Магнитки потребовали к тому же тончайший лист прецизионной точности для кинескопов и машин офсетной печати... Магнитка вступала в одиннадцатую пятилетку напряженно. Трудности возникли уже в первые же годы. Комбинат не топтался на месте, завершил обновление коксохимического производства, реконструировал домны, и этот цех стал работать стабильно.

Однако мартены, старые магнитогорские мартены и станы, особенно горячей прокатки, жили на пределе. Исчерпали все резервы. А синица все еще парила в небе, и слишком высоко!..

Суровая зима 1985 года беспощадно обнажила самые уязвимые звенья гигантского производственного механизма. И оказалось, что на всех стадиях передела нет достаточных запасов. Положение усугубили бураны и лютые морозы, перебои в доставке угля, окатышей и концентратов...

И грянул гром: Магнитка, как и многие другие предприятия черной металлургии, не удержалась на достигнутых рубежах. Сейчас это положение выправляется. Трудолюбивый коллектив комбината вынес и это испытание, начинает погашать долги. Уже покрыто отставание по чугуну, осенью ожидается наверстывание по стали; все предпринимается для того, чтобы восполнить не сделанный по договорам прокат. Магнитка не сдается! Магнитка рвется вперед, особенно теперь, когда свершилось наконец событие, которого она так долго ждала!

18 марта этого года министр подписал приказ (№ 332) о первой за пятьдесят три года существования комбината реконструкции сталеплавильного производства. Воистину лучше позже, чем никогда!

В 1985—1990 годах на месте шлаковых отвалов — зримо представляю это унылое, серохолмистое пространство, что за мартенами, ближе к ЦЭС—Центральной электростанции,— должен быть построен и введен в действие кислородно-конвертерный цех № 1 (первая очередь) мощностью пять миллионов тонн стали и связанные с ним объекты. Одновременно должна быть произведена реконструкция станов горячего проката «2500» и «1450». Должны решаться и давно назревшие социальные проблемы. В те же сроки предусмотрено построить жилые дома, школы, детсады... Все расписано в приказе и приложениях к нему, какие министерства, за что и в какие сроки отвечают. Сегодня уже июнь на исходе, четвертый месяц с того самого дня. Дан ли ход словам, скрепленным печатью? Началось ли дело?

— Началось! С опережением идут работы треста инженерных изысканий. На выбранной площадке цеха под шлаковыми отвалами сложные геологические условия, там старое русло Урала. Геологи и топографы дадут конкретные предложения по фундаментам, а Гипромез и Сибпромстройпроект — проектную документацию,— рассказывает Владимир Сергеевич Федосеев, первый секретарь Магнитогорского горкома партии. Он участник проходившего в ЦК КПСС совещания по вопросам научно-технического прогресса. И вот сейчас между заседаниями названивает в Минэнерго по поводу каких-то особых установок для буронабивных свай, которые понадобятся для устройства фундаментов цеха кислородно-конвертерного. Такие установки, оказывается, есть на «Атоммаше», они, как выяснилось, пока там не нужны, и не могут ли их одолжить на время.

Федосеев сам сталеплавильщик, еще не так давно работал на комбинате, и все заботы металлургов ему сродни. Тем более сейчас, когда горком партии с первого же дня взял под свой неусыпный контроль вопросы реконструкции Магнитки. Пристально следит горком за работой проектировщиков, составлен график подготовки строительной площадки — надо переносить технологические газо- и шламопроводы и линии электропередачи. В мае проходило совещание с руководителями Госстроя и Минтяжстроя. В июне ожидается приезд министров и заместителя Председателя Совета Министров СССР В. Э. Дымшица, бывшего, между прочим, в сороковые годы начальником треста «Магнитострой».

— При горкоме партии сформирована группа из партийных и хозяйственных работников,— продолжал Федосеев.— Мы направляли товарищей в Череповец и Жданов с тем, чтобы они ознакомились с опытом организации партийной работы и соревнования на стройках. Вопрос номер один — кадры. Впрочем, на этом этапе нет вопросов второстепенной важности. Все важно. С кадрами так: начальником цеха назначен Слонин.

— Не тот ли Анатолий, который работал в первом мартеновском, где начальником был Константин Носов?

— Тот самый. Он тогда у Кости,— поддержал доверительный тон разговора секретарь горкома,— был парторгом, потом некоторое время работал в Черепов-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 26 (3023)

23—29 ИЮНЯ

це. Кстати, знаете, ведь Костя теперь директор Дзержинки... Слонину подобраны помощники и начальники отделений. Будут вести надзор в процессе проектирования и строительства. Две тысячи человек понадобятся. Брать неоткуда. За счет автоматизации и механизации будем переводить людей из других цехов. Речь шла у нас о первой очереди реконструкции, в дальнейшем — реконструкция первого мартеновского цеха с заменой двухванных агрегатов и мартенов конвертерами и машинами разливки стали.

Другой мой собеседник, Юрий Васильевич Левин, заместитель директора Магнитогорского металлургического комбината по экономике, с упоением рассказывал о том, каким должен стать кислородно-конвертерный цех № 1:

— Он будет соответствовать требованиям XXI века. Вберет все лучшее, что может дать современная наука,— ЭВМ, микропроцессорную технику.

— Изготовителей оборудования, конечно, много. А главные?

— «Уралмаш» даст машины непрерывного литья, Ждановский завод тяжелого машиностроения — конвертеры. Заметьте: все оборудование отечественного производства. На днях решился вопрос со станом горячего проката «2000». Он заменит наш старый стан «1450», который предполагалось реконструировать. А вы представляете, что это для нас значит? 10—12 процентов роста производительности труда! Два миллиона тонн дефицитного, очень нужного стране проката! Сразу улучшится экономика комбината.

— Есть серьезные затруднения?

— Есть, и очень сложные. Мы же с января на экономическом эксперименте. Зима, помните, какая была? Кузбасский уголь не поспевал, прислали аж из Якутии. Прекрасный уголь, нерюнгринский, но очень дорого обошелся нам. Окатыши везли из Костомукши, отличные окатыши. Но опять же дорогие. Так наша прибыль покатилась вниз. Она нам сверху планируется. Спрашивается: почему? А штрафы? Согласно методике эксперимента, фондом заработной платы и численностью работающих мы распоряжаемся сами. Однако же приходит, например, запрос о сокращении управленческого аппарата... Но мы и не сокращали. Минфин, ничтоже сумняшеся, накладывает на нас санкции. Вот вам и распоряжайся! Есть и другие несуразицы подобного рода. Очень правильно на совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса говорилось, что надо на деле переводить предприятия на полный хозрасчет, поубавив число показателей сверху. Вот если бы нам перейти на самоокупаемость! Как ВАЗ и Сумское машиностроительное объединение имени Фрунзе.

— Значит, Магнитке нужна еще одна синица в руки? Я правильно вас поняла?.. Каково ваше мнение по поводу возможного изменения схемы подчиненности предприятий? Без ВПО, с выходом напрямую в министерство?

— Несколько лет назад этот вопрос поднимался, если не ошибаюсь, на страницах вашего журнала... Будущее покажет. Полагаю, что, используя известное выражение про синицу, это еще одна птица, которая пока в небе. Заманчивая, кстати, для многих больших предприятий.

И. ПОТАПОВ,
первый секретарь Ленинского райкома КПСС Курска

ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

●

Думаю, не ошибусь, если скажу, что все мы — и хозяйственники, и партийные работники, и конструкторы, и ученые, и передовики производства, и труженики села — ждали такой глубокой и деловой постановки вопроса, который был поднят на прошедшем совещании в Центральном Комитете нашей партии. Острота разговора о научно-техническом прогрессе была продиктована реалистической оценкой сложившегося положения в нашей экономике, объективным учетом всех социальных, экономических и психологических факторов и, конечно, международного положения. Именно поэтому, как было сказано на совещании, воплощение новых усилий партии — дело безотлагательное, общепартийное и общенародное.

В своем докладе Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Сергеевич Горбачев справедливо отметил: «Нам есть чем гордиться в развитии экономики. В стране построены тысячи предприятий, изменился облик наших городов и сел, повысился уровень культуры, образования, здравоохранения. Много сделано по улучшению жилищных, культурно-бытовых условий и в целом материального благосостояния народа».

Преимущества социализма, его плановой экономики наглядно проявляются и на примере нашего района. В одиннадцатой пятилетке в районе освоено более 280 миллионов рублей капитальных вложений, сверх плана реализовано продукции почти на 50 миллионов рублей. С начала текущей пятилетки у нас построено 450 тысяч квадратных метров жилья, сданы две общеобразовательные школы на тысячу пятьсот шестьдесят восемь мест каждая, десять детских дошкольных учреждений почти на две с половиной тысячи мест, драмтеатр, гостиница «Курск» более чем на пятьсот мест, две поликлиники, шестнадцать предприятий службы быта, четырнадцать магазинов и многое-многое другое. Вступили в строй действующих завод стеклоизделий, фабрика индивидуального пошива обуви и другие объекты производственного назначения. По итогам предмайского соревнования район признан победителем в областном социалистическом соревновании и занесен на областную Доску почета.

Однако, располагая огромными, поистине неисчерпаемыми возможностями, мы не можем еще сказать, что с максимальной пользой для общества сумели поставить их на службу народу. И партия во всеуслышание заявила: техническое перевооружение предприятий, экономия ресурсов, резкое повышение качества продукции — вот тот путь, по которому будет идти наша экономика.

Ряд предприятий нашего района действительно широко использует достижения научно-технического прогресса, ведет активную борьбу за повышение качества выпускаемой продукции, совершенствование организации труда. К числу таких в первую очередь можно отнести курское ордена Трудового Красного Знамени производственное объединение «Электроаппарат», на головном заводе которого проведена большая работа по техническому перевооружению. В результате процессы автоматизации и механизации на основном производстве достигли уровня 90 процентов. Это, кстати, один из самых высоких показателей по Министерству электротехнической промышленности. Самыми авторитетными, самыми уважаемыми людьми в коллективе объединения являются те, кто решает судьбу научно-технического прогресса.

Энергично, с глубоким пониманием требований времени относятся к вопросам технического перевооружения коллективы Курского производственного обувного объединения и ряда других предприятий. Но таких трудовых коллективов, к сожалению, еще мало. Целый ряд предприятий — завод медицинского стекла, трикотажная и табачная фабрики — слабо занимаются техническим перевооружением, мало внимания уделяют реконструкции производства. Сказывается инертность руководителей. Но не только она. Как выяснилось при более внимательном изучении положения дел, в решении этих вопросов не проявляется должной заинтересованности со стороны некоторых министерств и главков. Вот конкретный пример.

Из года в год откладывается реконструкция нашего старейшего предприятия — завода технологического оборудования, которое входит в систему Госкомсельхозтехники РСФСР. Одна из причин — до конца не определена номенклатура производства. Более того, она часто меняется по мелочам. Ходатайства и просьбы о реконструкции этого предприятия неоднократно ставились перед Государственным комитетом по производственно-техническому обеспечению сельского хозяйства РСФСР, его главком заводов. Но решаются эти вопросы крайне медленно. А не решив их, коллективу трудно выработать магистральные, перспективные направления технического прогресса, заказать современное, высокопроизводительное оборудование, разработать прогрессивные технологии.

Могут спросить: насущны ли эти вопросы? Судите сами. Только металлорежущих станков на этом заводе в «возрасте» от 10 до 20 лет на сегодняшний день более сорока процентов, а тех, которым свыше 20 лет,— тридцать процентов. В таком же почетном возрасте и кузнечно-прессовое оборудование. Ежегодная же замена его не превышает в среднем за пятилетку трех процентов. Нетрудно подсчитать, сколько потребуется лет на его обновление.

Бывает, что в новых корпусах устанавливается несовершенное оборудование, а подчас и вовсе не имеющее к нему никакого отношения. Курьезный случай произошел на заводе стеклоизделий. Когда монтажники и наладчики оборудования «сдали ключи», выяснилось, что производить зеркала на нем не представляется возможным. Пришлось демонтировать оборудование. В результате неплохой коллектив, отпраздновав новоселье в новых цехах, стал отстающим. Теперь потребуется не один месяц для наверстывания упущенного. Подобной ошибки могло бы и не произойти, если бы харьковский институт «Укргипрместпром», «Роскомплектместпром», а также областное управление местной промышленности своевременно определили технические возможности предлагаемого к монтажу оборудования.

На совещании в Центральном Комитете партии было высказано немало ценных, глубоко обоснованных рекомендаций, которые помогут нам в решении самых насущных задач. Внедрение современных новинок в производство потребует не только пересмотра всей технологии или отдельных ее узлов, но и специальной подготовки людей, призванных работать на этой технике. А то ведь что получается иногда? Устанавливают в цехах новое, современное оборудование, универсальные станки с ЧПУ, а работать на них порой бывает некому. Кто-то что-то примерно знает об этом станке, на глазок умеет определить его возможности, а потом действует по принципу «раз не сломаешь — не научишься».

Ленинский райком партии, весь партийный актив нашего района будут по-иному решать и эту проблему. С нового учебного года на базе Курского политехнического института организуются курсы по подготовке операторов на станках с ЧПУ. Молодые, наиболее одаренные рабочие будут проходить специальную подготовку для работы на станках нового поколения. Тогда и отдача этих универсальных помощников рабочего человека будет умножена во сто крат.

Все мы понимаем, что ускорение научно-технического прогресса требует и более полного решения социальных проблем, о чем тоже говорилось на прошедшем совещании в ЦК КПСС.

Представим себе такую картину. В новых, просторных цехах устанавливается современное оборудование с числовым программным управлением, а рабочая столовая как была «забегаловкой», а так и осталась ею. Серые стены бытовок, ветхие подсобки, малоэффективная вентиляция, отсутствие промышленного дизайна... Таких «спутников» отныне не должно быть на производстве. И заботиться об этом предстоит в первую очередь нам, партийным, советским работникам, профсоюзу и комсомолу. Устранение этих негативных явлений даст ощутимый прирост не

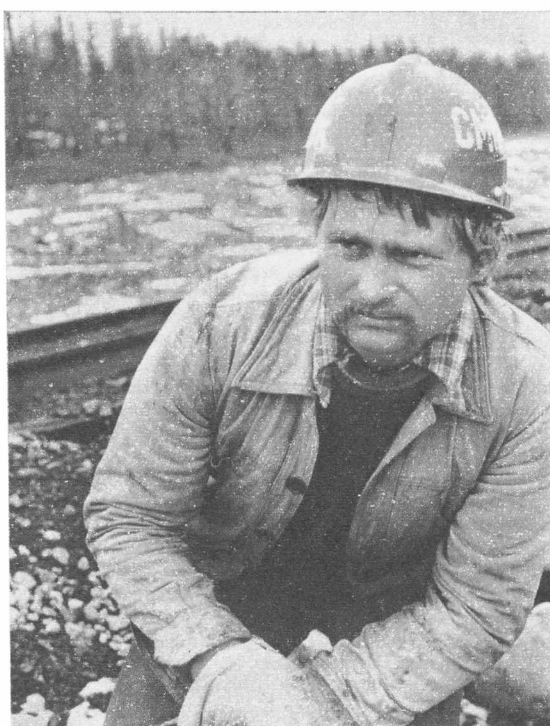
только в производительности труда. Оно снизит текучесть кадров, сделает труд рабочего человека более привлекательным (особенно для тех, кто сегодня стоит на пороге своего совершеннолетия).

Пример тут показывает Курское обувное объединение. Новому генеральному директору Юрию Степановичу Яровикову, прямо скажем, здесь досталось «тяжелое наследство» — предприятие хронически не выполняло план, оборудование устарело, текучесть кадров составляла двадцать четыре процента. Руководитель объединения вместе с партийной организацией сумели так мобилизовать коллектив, что в кратчайший срок была проведена не только реконструкция основных подразделений, но и во многом были решены социально-бытовые проблемы. Сегодня это лучший коллектив в районе, а текучесть кадров здесь сократилась втрое.

Давний, наболевший вопрос — качество продукции. Министерство легкой промышленности Российской Федерации до сих пор не поддержало предложение нашего обувного объединения, которое аргументированно предлагало изменить ассортимент выпускаемых изделий, сделав основной упор на обувь, пользующуюся повышенным спросом у населения. Чем объясняется позиция министерства? Оказывается, обувь, которая нужна людям, которую ждут с нетерпением тысячи и тысячи потребителей, несколько дешевле той, которую запланировал к выпуску Минлегпром. Министерство не волнует, что запланированная обувь будет залеживаться в магазинах и на складах.

И еще одна острая проблема — повышение отдачи инженерного труда и его социального престижа. Многим сегодня знакома такая ситуация. Проучившись пять, а то и шесть лет в институте, получив высшее техническое образование, бывшие производственники, сделавшись специалистами, вновь становятся к станку. Сейчас на промышленных предприятиях только Ленинского района Курска на рабочих местах занято около ста человек с высшим инженерным образованием. Со средним специальным — в пять раз больше. Хотя в то же самое время пятая часть мастеров—практики, а двадцать пять процентов начальников цехов и их заместители и вовсе не имеют высшего образования. Эти цифры говорят не только о том, что в вузах будущему инженеру слабо прививают такие черты характера, как смелость в принятии решений, ответственность за судьбу коллектива, желание быть в нем вожаком. Это свидетельствует и о неуважении к творческому труду конструктора, технолога, о недостатках в определении оплаты их труда. Можно не сомневаться, что меры по поднятию престижа инженерного труда вызовут активную творческую отдачу тысяч специалистов.

Ко многому обязывает нас прошедшее в ЦК КПСС совещание. От каждого из нас, советских людей, сегодня зависит успех ускорения научно-технического прогресса. И если каждый будет выполнять на своем месте то, что он должен делать,— выиграет вся страна, идущая к XXVII съезду партии с уверенностью в том, что намеченные планы будут претворены в жизнь.

Якутский бамовец Алексей Иванченко.

Серге — символ АЯМа.

Серге у дороги

Серге — резной столб. Это якутская коновязь — символ странствий. Прологом большого дела поставлен он на первом километре начинающейся железнодорожной магистрали Беркакит — Томмот — Якутск.

А мысли мои возвращаются вспять, в далекое прошлое этого края. Видится древний серге, кони Ивана Москвитина, струги Василия Пояркова — русских землепроходцев, прошедших якутскими дорогами к берегам Амура и Охотоморья. Якутия с давних времен служила России воротами в дальневосточные земли. Слышали эти края и звон тяжелых кандалов, и страстные речи ссыльных революционеров...

11 апреля этого года на станции Нерюнгри-грузовая были уложены первые двадцать пять метров «серебряного» звена новой дороги. Будем считать эту дату днем рождения Амуро-Якутской магистрали. Здесь, у символического серге, ждет своего часа путеукладчик бригады Алексея Иванченко. А ему готовят путь высвободившиеся с БАМа подразделения Главбамстроя. 830 километров дороги надо построить на вечной мерзлоте, создать более семисот искусственных сооружений, включая два десятка больших мостов.

Сегодня бригада командира отряда «Якутский комсомолец», депутата Верховного Совета Якутской АССР Алексея Афанасьевича Иванченко, считает уже километры новой дороги. Этого серьезного, уважаемого человека многие знают еще по БАМу. Здесь он нашел свое призвание, стал известным транспортным строителем, создал семью, растит двух сыновей. В многонациональной бригаде Иванченко ребята разные. Есть ветераны, например, Александр Алексеев. Есть и новички, трудовые биографии которых начинаются вместе с новой дорогой,— Иван Решетников из Алдана и Акиф Гаджиев из Баку, добровольцы восемьдесят пятого года.

Иванченко распорядился запустить передвижную электростанцию, и сразу все вокруг загрохотало. Шла балластировка второго станционного пути, который соединит Нерюнгри-грузовую со станцией Нерюнгри-пассажирская. Укладывать главный путь нельзя — держит мост через Чульман. Одновременно бригада «шьет» рельсошпальную решетку. Они хорошо освоили это дело и в состоянии за день перерабатывать вагон шпал. Но вынуждены постоянно останавливаться из-за нерегулярных поставок шпал, креплений, рельсов...

По какой же причине проблемы, лихорадившие в свое время БАМ, перекочевали на новую стройку?

Перебравшись к мостовикам, я сразу задал вопрос о мосте на Чульмане. Когда же он будет готов?

— Однозначно ответить затрудняюсь. Чульман — река дурная, без огляда ее не возьмешь,— сказал, перебирая чертежи, Н. Н. Бутов.

Николай Николаевич — заместитель управляющего трестом «Мостострой-10», мой давний знакомый, опытный мостовик, грамотный инженер, находчивый и очень веселый человек. Здесь, на чульманских берегах, он забыл о своей веселости. Молчалив, задумчив, на лице усталость, сосредоточенность на старте новой дороги трест уже развернул пять мостоотрядов, автоколонну. Но отлаженную, проверенную БАМом систему работы орденоносного треста рушит несвоевременная, приходящая по частям документация на внеклассные мосты и другие объекты. Определенный правительством срок строительства Амуро-Якутской магистрали требует от институтов Главтранспроекта немедленно приступить к проектно-изыскательским работам по мостовым переходам через Алдан и Томмот и через Лену в районе Якутска. Сегодня мостовики работают буквально «с листа», а это мешает плановому инженерному обеспечению строительства, мешает своевременной выдаче заказов на конструкцию опор, пролетов...

Символом больших дел стоит сегодня серге у АЯМа, на стыке двух дорог — действующего Малого БАМа и будущей Амуро-Якутской магистрали, которая свяжет Томмот и Якутск с Амурской областью, с БАМом и Транссибом, а значит, и со всей страной.

АЯМ уже началась, и, строя ее, надо не только избегать ошибок, допущенных на строительстве БАМа, но и совершенствовать опыт строительства в сложнейших условиях Севера.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька».
Фото автора

КУРС—«МИХАИЛ СОМОВ»

Дизель-электроход «Михаил Сомов» у берегов Антарктиды. Январь, 1985 год.

Фото участника советской антарктической экспедиции А. Кочеткова

Вся страна следит за вынужденным дрейфом в Антарктике дизель-электрохода «Михаил Сомов», зажатого тяжелыми льдами. 12 июня ему на помощь из порта Находка вышел в южные широты ледокол «Владивосток».

Об особенностях этого рейса с корреспондентом «Огонька» беседует главный государственный инспектор Администрации Северного морского пути В. В. МИХАЙЛИЧЕНКО.

— Владимир Владимирович, расскажите, пожалуйста, о ледоколе «Владивосток» и, в частности, о его технических характеристиках.

— Судно построено в 1969 году известной финской фирмой «Вяртсиля». Длина его 122 метра, ширина 24,5 метра, мощность 26 тысяч лошадиных сил, водоизмещение 15 360 тонн, максимальная скорость по чистой воде 18,3 узла, максимальная осадка 10,5 метра.

Все годы «Владивосток» работал преимущественно в восточных районах Арктики. Участвовал, например, в операциях по выводу судов, попавших осенью 1983 года в экстремальные ледовые условия в проливе Лонга.

Капитан ледокола Геннадий Иванович Антохин. Ему 36 лет. Тем не менее он уже зарекомендовал себя знающим, опытным специалистом и решительным человеком. Рядом с ним на мостике 64-летний капитан-наставник Виктор Терентьевич Садчиков, один из старейших и опытнейших дальневосточных капитанов.

— Каков маршрут «Владивостока»?

— Сейчас ледокол направляется к берегам Новой Зеландии. В Веллингтоне он должен пополнить запасы топлива, воды и свежих продуктов. После этого отправится в район дрейфа дизель-электрохода. В идеальных условиях путь до Новой Зеландии займет 14—15 дней, около трех суток должно уйти на пополнение запасов, а дальше около семи дней хода, но это по чистой воде, на которую, конечно, рассчитывать не приходится. В общем, как сложится обстановка...

— С какими трудностями может встретиться ледокол по пути следования?

— Прежде всего — высокие температуры и штормы. Ведь экипаж и команда «Владивостока» привыкли работать в условиях Севера, и вообще наши ледоколы никогда ранее экватор не пересекали.

На борт взято значительное количество груза. Одного только вертолетного топлива около восьмисот бочек. Закрепить их на судне, не приспособленном для этого, было делом очень сложным. При этом следует учесть огнеопасность такого груза.

— Осадка десять с половиной метров, низкий центр тяжести. Как эти характеристики могут сказаться при проходе через «ревущие сороковые»?

— Если для ледовых условий низкий центр тяжести является фактом положительным, то для сильного шторма — наоборот. Избыточная остойчивость приводит к резкой качке судна.

Однако не станем сгущать краски. Тот же «Владивосток», приписанный к Дальневосточному пароходству, направляясь каждый раз в Арктику, к месту своей постоянной работы, проходит по весьма неспокойным морям. Одно только Охотское чего стоит.

— Кстати, уйдя в южные широты, «Владивосток» в какой-то мере оголил фронт работы в восточных районах Арктики, не так ли?

— Конечно, избытка в ледоколах у нас нет. В связи с ускоренным развитием экономики Севера интенсивность морских грузопотоков в северных широтах растет с каждым годом. А минувшая зима была очень суровой, что, разумеется, сказалось на ледовой обстановке в Арктике. Без «Владивостока» здесь будет труднее, это ясно.

— Напомните, пожалуйста, о дрейфе дизель-электрохода «Обь».

— Судно «Обь», так же как и «Михаил Сомов», имело класс «усиленный ледовый арктический». «Обь» застряла 23 апреля 1973 года и освободилась ото льда через три месяца. Ледоколу помогать ей не пришлось.

Задача стоит сложная, и быстро ее не решить. Ледокол должен подойти к «Сомову» на максимально близкое расстояние. Каким оно окажется? На этот вопрос пока ответить невозможно. Учтите, в Южном полушарии сейчас разгар полярной ночи. Дневного света нет. По поступающим с «Сомова» радиограммам, температура там опускается до 32 градусов ниже нуля. Дуют очень сильные ветры. Мы надеемся на благоприятное перераспределение льда. На мужество и мастерство людей.

Беседу вел В. СКВОРЦОВ.

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР

13 июня в Большом зале Центрального Дома литераторов в Москве состоялся вечер, посвященный 60-летию выдающегося южноафриканского писателя, генерального секретаря Ассоциации писателей стран Азии и Африки Алекса Ла Гумы, награжденного орденом Дружбы народов за активную общественную и литературную деятельность, направленную на укрепление дружбы и сотрудничества прогрессивных писателей в борьбе за мир.

Юбиляра приветствовали советские переводчики его произведений, представители издательств «Прогресс» и «Радуга».

Выступавшие говорили о литературной деятельности писателя, его участии в борьбе за мир и свободу народа Южной Африки, Международный день солидарности, с которым прогрессивная общественность планеты отмечает 16 июня.

Алекс Ла Гума — большой друг Советского Союза. Его произведения переведены на многие языки народов СССР. Повести «Скитания в ночи», «Каменная страна», «В конце сезона туманов» и другие хорошо известны широкому читательскому кругу. На вечере был прочитан рассказ А. Ла Гумы «Портрет в гостиной».

Справа налево: Алекс Ла Гума с женой и сыном и писатель из Эфиопии Ассефа Гебре Мариам с дочерьми — учащимися Ивановской интернациональной школы-интерната во время встречи в Центральном Доме литераторов.

Южноафриканские студенты приветствуют Алекса Ла Гуму.

Фото А. Бочинина

НАШ ВЗГЛЯД

УРОК ИСТОРИИ

Владимир НИКОЛАЕВ

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Совместный советско-американский фильм о Великой Отечественной войне вышел в США под названием «Неизвестная война». Так участвовавшие в его создании американцы, вероятно, сами того не ведая, подписали обвинительный приговор буржуазной пропаганде. Это ее «заслуга», что до сих пор в США замалчивается и фальсифицируется история Великой Отечественной. Средства информации в США скрывают от своих читателей и слушателей, что еще до начала второй мировой войны ведущие группировки монополистического капитала настойчиво толкали Гитлера к нападению на Советский Союз. От американцев пытаются скрыть и то, что наша страна стала решающей силой в разгроме фашизма и спасла мир от коричневой чумы. Ко всему прочему буржуазная пропаганда раздувает злонамеренный миф о «советской военной угрозе», которым широко пользовался нацизм.

Главный урок истории всем нашим недругам состоит в том, что победа советского народа в Великой Отечественной войне самым убедительным образом доказала несокрушимую силу и стойкую жизнеспособность социалистического строя, рожденного в октябре 1917 года. Наш народ, все прогрессивное человечество достойно отпраздновали 40-летие Победы в Великой Отечественной войне. А 24 июня отмечается 40-летие Парада Победы. На тот исторический парад, в котором мне посчастливилось принять участие, я прибыл с группой сослуживцев с Северного флота. В годы войны там можно было встретить английских и американских моряков. Это они, участники героических морских конвоев, на деле осуществляли ту материальную помощь, которую союзники по антигитлеровской коалиции оказывали нашей стране. Правда, она была не столь велика, как об этом утверждают на Западе. Она составила только четыре процента от всего, что произвела наша промышленность в годы войны. Тем не менее мы помним о ней и воздаем должное воинской доблести солдат союзных армий — США, Великобритании и Франции.

Спустя много лет после Парада Победы я встретил в Сан-Франциско пожилого водителя такси, который был среди тех американцев, которые в годы войны побывали у нас на Севере, придя туда с караванами судов. Мы долго вспоминали с ним то время. И та самая малость жизни нашей страны, которую ему удалось увидеть в суровую военную пору, произвела на него такое большое впечатление, что через несколько лет он приехал в Советский Союз туристом. Нет, это не вина, а беда американского народа, что он мало знает о той великой войне. Американцы, которые участвовали в ней, ее не забыли.

Когда на Параде Победы наш сводный полк Военно-Морского Флота миновал Мавзолей В. И. Ленина, внезапно смолк торжественно гремевший оркестр. Раздалась резкая дробь барабанов, и колонна солдат бросила к подножию Мавзолея двести фашистских знамен и штандартов. Шел дождь, и они мокрым хламом остались лежать на брусчатке Красной площади до окончания парада.

На многих фото- и кинокадрах запечатлен момент, символизирующий конец гитлеровского фашизма. Это урок для всех, кто решится повторить злодеяния нацизма. К сожалению, сегодня мы видим, что урок этот не всем пошел впрок. В ФРГ реваншисты все больше активизируются. Мало этого! Вместе с ними поклоняется эсэсовским убийцам официальный Вашингтон в лице американского президента.

В свое время Гете писал о нарастающей в Пруссии страсти к агрессии:

Будь проклят, кто, собой прельщён,
Забыв и честь и стыд,—
Зло, что принес Наполеон,
Как немец, повторит!
Пусть знает он и с ним весь сброд,
Что неотступен суд,
И ни насилие, ни гнёт
От мести не спасут!

Да, от возмездия нацизму уйти не удалось! Об этом должны бы помнить и те, кто усиливает сегодня гонку ядерных вооружений и милитаризует космос.

В сделанном 10 июня заявлении президент США подтвердил, что его администрация приняла решение вести и дальше дело к разрушению договорной системы, сдерживающей гонку ядерных вооружений, начав с подрыва советско-американского Договора ОСВ-2. В Заявлении ТАСС по этому поводу говорится:

«В Вашингтоне должны отчетливо понимать, к каким последствиям приведет занятая Белым домом позиция в отношении Договора ОСВ-2. Не следует обманываться, что американской стороне будет позволено по своему произволу определять, какие обязательства будут соблюдаться, а какие — нет. Ожидать, что другая сторона будет подстраиваться под такую линию США,— это опасное заблуждение.

Советский Союз будет делать из всего этого соответствующие выводы, диктуемые интересами его безопасности, безопасности его союзников».

Отмечая 40-летие Победы и Парада Победы, мы утверждаем, что отстоять священное право человека на жизнь, обеспечить прочный мир — долг живущих перед миллионами павших за свободу и социальный прогресс, наш общий долг перед нынешним и грядущими поколениями.

МИР СВОЮ ЛЮБОВЬ НЕСЕТ

Шакунтала КУШВАХА (Индия)

Шакунтала Кушваха родилась в семье профессора-филолога и поэта. Автор многих стихов и рассказов на языках урду и хинди. Печатается в Индии с 14 лет. Редактор и переводчик с русского языка на урду. В ее переводе в издательстве «Прогресс» вышли книги стихов и прозы советских писателей.

Тебе, прославленный народ,
Весь мир свою любовь несет.
Ты царство мрака сокрушил,
Искоренил великий гнет.
Ты жизнь стремишься утвердить
На всей земле из рода в род.
Фашизму не восстать опять,
Его позор и гибель ждет.
Вспоенный кровью жертв святых,
Росток любви быстрей растет.
К великой дружбе твой призыв
Народам силы придает.
С тобой надежды наши все,—
Пусть подвиг твой в веках живет!
Мы будем помнить этот день,
Пускай хоть двести лет пройдет...
И клятву верности тебе
Любой индиец принесет.
Мы, взявшись за руки, идем
Одной дорогою вперед...
Сегодня празднует Шакун*
Твой славный день, герой-народ.

Перевел с урду А. АНУФРИЕВ.

* Шакунтала (Шакун) — по правилам индийского стихосложения в последней строке стихотворения ставится имя автора.

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

США

БЛЕСК И НИЩЕТА

1

Нью-Йорк просыпается, начиная свое бешеное коловращение, оглушая прохожих сигналами клаксонов, подмигивая фонарями светофоров... В спешке утреннего часа «пик» никто не обращает внимания на человека, дремлющего у витрины крупного ювелирного магазина. Укутавшись стареньким пледом, он бережно придвинул к себе бумажную сумку, вмещающую все его «сокровища». Кто это, мужчина или женщина, определить трудно: возраст, предметы туалета и образ жизни наложили свой отпечаток. Одно несомненно: это место выбрано им отнюдь не для того, чтобы попасть в объектив вездесущего репортера, да и лучистый блеск колье и бус вряд ли согревает его. Его внимание привлекла вентиляционная решетка, потоками теплого воздуха навевающая сладкую дремоту после беспокойной ночи, проведенной где-нибудь в подъезде или на станции нью-йоркской подземки.

Сколько у него товарищей по несчастью? Только в одном Нью-Йорке около 60 тысяч. Ведь это Америка — страна, в которой блеск вызывающей роскоши всегда соседствует со слезами отчаяния, молчаливой трагедией лишних в хваленом «раю»...

НИКАРАГУА

КРОВАВЫЕ ДЕНЬГИ

2

Американский сенат выделил рейгановской администрации 38 миллионов долларов на финансирование и вооружение никарагуанских «контрас». По словам президента Рейгана, Никарагуа представляет собой «коммунистическую тиранию», а «контрас» не кто иные, как «истинные революционеры, борющиеся за свободу». Однако «борцы за свободу» являют собой сборище убийц, чьи зверства заставляют вспомнить преступления гитлеровцев. Этот жуткий снимок из журнала «Ньюсуик» — наглядное свидетельство тому. Захватив жертву, американские наемники заставили невинного вырыть руками себе могилу, а затем один из бандитов вонзил свой нож в горло несчастного.

Вот на какие цели идут миллионы долларов американских налогоплательщиков: убийства и разбой в маленьком государстве Центральной Америки, народ которого избрал свободный путь развития. Да, не нравится президенту США непокорная страна, плетут коварные сети секретные службы. Но этого мало! В печати появились сообщения о том, что в кругах американской администрации открыто обсуждают возможность того, что однажды американские боевые части будут посланы в Никарагуа.

ЯПОНИЯ

НА ЖИВОМ МАНЕКЕНЕ

3

Известно, что традиционная одежда японцев — кимоно — теряет в условиях современной стремительной жизни свою популярность и становится непрактичной. Кроме того, кимоно отпугивает покупателей своей дороговизной: слишком много в него вкладывается ручного труда и смекалки мастера. Однако все рамки доступной человеческому пониманию цены за кимоно превысили владельцы одного из крупнейших токийских универмагов, выставившие на всеобщее обозрение наряд стоимостью в 280 миллионов иен (более одного миллиона долларов). Оно является точной копией придворного одеяния дам IX—XII веков н. э. Изготовлено кимоно из ткани, сотканной из тончайшей платиновой нити толщиной всего 0,2 микрона, и работал над ним коллектив мастеров почти 11 месяцев. Демонстрироваться это кимоно будет на живом манекене, который станет ежедневно стоять долгие часы за стеклянной витриной.

На снимке: «чудо»-кимоно надевают на живой манекен.

1

3

2

Юрий МЕЛЬНИКОВ

Давно запаханы окопы...

Юрий Мельников в годы Великой Отечественной войны воевал под Москвой и под Воронежем. Был пехотинцем, командиром минометной роты. В составе 208-й стрелковой дивизии освобождал от фашистских захватчиков Пушкинские горы и село Михайловское, а также Латвию, Литву и Польшу. Штурмовал Кенигсберг. Был дважды ранен. Награжден четырьмя боевыми орденами и многими медалями. Он участник исторического Парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. Автор семнадцати сборников стихов.

В ДЕНЬ ПАРАДА ПОБЕДЫ

Е. Ионову.

Держали мы равнение направо,
Чеканя шаг победный, строевой.
Казалось мне,
Что с нами в ногу
Слава
Шагала по брусчатой мостовой.
Блестя медалями и орденами,
Мы шли,
В боях бывалые не раз...
И осыпали москвичи
цветами
На всем пути,
По всей дороге нас.
Встречали,
Как родимых, у порога...
И знали мы, отцы, мужья, сыны,
Какой была нелегкою дорога
До этой
Главной площади страны.
...Со всех фронтов,
С Дуная и со Шпрее,
Мы ехали в Москву издалека.
И, шаг чеканя,
мимо Мавзолея
По площади
Все шли и шли войска.
Я помню,
Дождик крапал с небосклона
В тот теплый день,
В том памятном году...
Со свастикой
фашистские знамена
Бросали мы с презреньем
на ходу.

Разделались
С жестокой силой вражьей
В сражениях
Мы много лет назад...
Поэтому
И помнят камни даже
На площади
Победный тот Парад.

ОДНОПОЛЧАНИН

Памяти Героя Советского Союза П. И. Аврамкова.

Батальоны наши были рядом,
Вместе шли на линию огня.
Со стены, с портрета
строгим взглядом
Смотрит он в музее на меня.
Смотрит сквозь года,
весну и осень,
Сквозь светлыни дней и темноту...
Кажется,
Вот-вот меня он спросит:
— Как тогда?.. Мы взяли высоту?
Знал бы он,
Что в той атаке телом
Замолчать заставил пулемет.
Вслед за ним тогда в порыве
смелом
Целый полк продвинулся вперед.
Что прошли с боями пол-Европы
Мы с полком,
где он героем стал.
Что давно запаханы окопы,
Где живое все косил металл.
Изгнана с земли родимой
скверна,
Снег на высоту ложится, бел...
Знал бы это все он,
то, наверно,
Веселее со стены смотрел.

* * *

Застилали дымы горизонт,
Шли и шли мы на запад устало.
Ты мне письма писала на фронт,
Ты мне душу в боях согревала.
Помню,
как я читал их не раз
И в окопах, и на пепелище...
И сквозь них
Видел блеск твоих глаз
И деревню твою —
Городищи.
Ровный снег под луною сиял,
Где мне с детства
Все было знакомо.
Где впервые тебя провожал
В зимний вечер
Морозный до дома.
О своей лейтенантской судьбе
И о будущей встрече с тобою
Я писал на привале тебе
На еловом стволе
после боя.
Было встретиться не суждено
Нам, познавшим
и ливни, и вьюгу...
Пусть забыты
Те письма давно,—
Мы тепло сохранили
Друг к другу.

У ЗАМШЕЛОГО ДЗОТА

У замшелого дзота
Вновь, задумчив, стою.
Тут когда-то пехота
Залегала в бою
Перед ним.
И по знаку,
По команде «Вперед!»
Поднималась в атаку,
Наступала на дзот.
И опять залегала —
Ни вперед, ни назад...
Покосил тут
немало
Пулеметчик
солдат.
Не спасли маскхалаты...
Было нам нелегко,
Но и враг от расплаты
Не ушел далеко.
Поднялись мы,
и рядом
Оказался в тот миг
С обезумевшим взглядом
Рослый немец-штрафник.
К амбразуре прикован
Крепко
цепью был он
В том далеком, суровом,
Ураганном былом.
...На снегу перед дзотом,
Вспоминая, стою.
И мне кажется,
бьет он
Прямо в память мою.
Бьет в пылу суматошном,
Амбразура в дыму...
Только память о прошлом
Не убить никому.

* * *

Вновь у березы-малолетки,
Что словно освещает мрак,
Стоишь ты
и ломаешь ветки
Не для чего-то, просто так.
А ей казалось,
что привольна
Жизнь
недалеко от окна...
Ты не ломай ее —
ей больно,
Живое существо она.

* * *

Так в юности со мною было —
Не замечал и сад в цвету...
Нас жизнь с годами научила
Ценить земную красоту.

Мы стали и добрее вроде
В дни нашей зрелости,
щедрей...
Мы ей обязаны —
природе
Душевной красотой своей.

ШАР ЗЕМНОЙ

В огромном космосе
как мал он —
Меж звезд вращается,
пыля...
Взрывным,
Смертельным матерьялом
Перенасыщена Земля.

И чтобы быть века
планете
Не омертвелой, не иной,—
Отныне, люди,
мы в ответе,
Как за себя,
За шар земной.

40 ЛЕТ ПОБЕДЫ

КНИГА-ПАМЯТНИК

В жизни людей бывают такие радостные дни и события, о которых помнят не только сами участники этих событий, но и их дети, внуки, правнуки...

Людям моего поколения было суждено пережить много не только радостного, но и горького. Но именно нам посчастливилось быть участниками двух событий, которые войдут в память народа на века. Такими днями стали 9 мая и 24 июня 1945 года: День Победы советского народа в Великой Отечественной войне и Парад Победы на Красной площади в Москве.

Передо мной фотоальбом «Парад Победы», выпущенный издательством «Планета»*, который с документальной точностью воспроизводит незабываемый день 24 июня 1945 года.

Просматриваю с большой любовью и мастерством составленный из документов того времени фотоальбом, впитавший в себя образы нашего великого прошлого, прошлого, которое для нас будет всегда настоящим, прошлого, которое вечно будет волновать и изумлять все новые и новые поколения советских людей.

Мне довелось быть участником Парада Победы, Парада Победителей, Парада нашего социалистического строя, одолевшего невиданно жестокого, коварного и сильного врага.

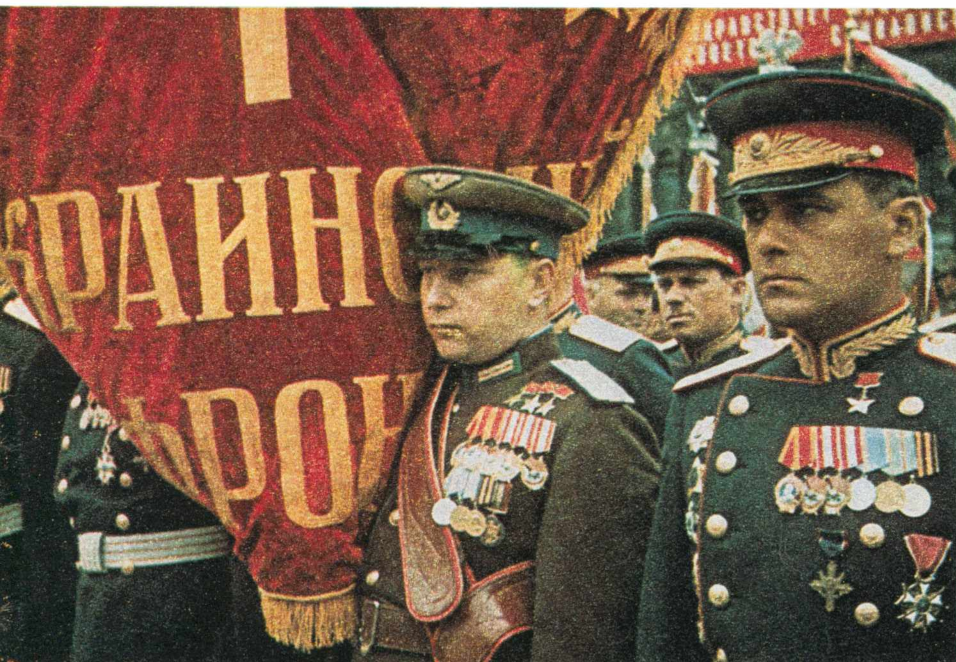
Листаю страницы альбома, и передо мною снова и снова встает во всем величии Красная площадь 24 июня 1945 года. Я вижу лица участников Парада, зрителей на трибунах, моих товарищей.

Бывают памятники людям и событиям, высеченные в камне, отлитые из металла. Этот памятник исторического события в жизни советского народа блестяще выполнен в виде книги.

Спасибо вам, кинооператоры и фотокорреспонденты, авторы и издатели, все, чей труд позволил вновь, через много лет, воссоздать этот замечательный день, создать памятник, который и через века будет гордо нести людям светлого коммунистического будущего образы Победителей гитлеровского фашизма, позволит еще и еще раз увидеть и понять нашу радость Победы!

**Л. БЕЛЬДИНСКИЙ,
гвардии капитан в отставке, бывший командир танковой роты**

* Парад Победы. Авторы-составители Г. М. Дроздов, Е. Н. Рябко. Художник С. Д. Алексеев. М., «Планета».

СФ

Механизатор Расул Баемов — уважаемый человек в колхозе имени М. Гафури (в центре). После сева зашел на чай к Расулу и Фании Баемовым первый секретарь райкома партии Т. Л. Рахманов.

СТРОКА В ПРОДОВОЛЬСТВЕННУЮ ПРОГРАММУ

ШЕСТЬ ДНЕЙ ХОРОШЕЙ ПОГОДЫ

Николай БЫКОВ,
фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Башкирская степь — семь верст до небес и все полем! Поля, поля... Ухоженные, простроченные нежными хлебными всходами, а над ними — березы, а за ними — синяя, как небо, речная лента Белой. Песенная река, величавая и трудолюбивая. Самой степи под стать. А до знакомства здешние места рисовались иными: звонкие пространства и рыжие табуны. Хотелось полынного диковатого раздолья и чтобы ветер нес запахи трав. Таких не прибранных к рукам угодий все меньше, степь давно распахали и засевают ее все старательнее и грамотнее. Земли тут хлебородимые. Особенно хлебно живут в Илишевском районе, омываемом оплечь водами Белой. Глаз с асфальта отмечает прямо-таки кубанскую черноту пашен, и только затянувшиеся холода напоминают: Урал не за горами. Нужен был июнь, чтобы отогрелся воздух, хлынула на поля и березняки зелень молодого лета. И грянули над деревнями соловьи! Певчих птиц много, знакомых и незнакомых, но соловьи перепевают, перебивают всех, они и тогда свищут, бьют хрустальной капелью, когда все остальные птицы выбились из сил и мир спит — соловьи остаются в эфире одни. Одни и рассвет встречают золотыми своими россыпями. А слышат их идущие работать в летнем поле, на летнем выгоне.

Известно со стародавних времен, кочевники хлеба не сеют. Башкиры сеют хлеб не первое столетие. И сегодняшние урожаи зерновых лично меня повергли в великое изумление. Судите сами, илишевцы, например, подняли урожайность полей за сорок лет с пяти до тридцати двух центнеров. На каждом гектаре, занятом под зерновыми. А таких гектаров у них более шестидесяти тысяч (теперь значительно больше). Представляю себе, как нелегко давалось это восхождение со снопом в руках: пятьдесят пудов, сто пудов, сто пятьдесят! На отработку мастерства и на подъем культуры земледелия ушли годы; поколения сменились. Урожайность колебалась на отметке 20—25 цен-

тнеров долго, лет пятнадцать. Но подоспело время агрохимии, новой техники, новых сортов, и мастерство илишевцев обрело крылья, их усердие получило реальную материальную опору, на помощь энтузиазму пришли новые технологии. С 1982 года урожайность обрела обыкновение достигать двухсотпудового веса.

Зачастили гости в Илишевский район.

Осень — каждая — вручала победителям различных соревнований победные знамена. Всесоюзные, всероссийские, республиканские...

Слава и новая роль наставников, знаменосцев поднимали «планку» амбарных намолотов — не рекордов, а земледельческой нормы поведения на хлебном поле. Награды обязывают. Пришлось построить в районе элеватор.

Один из доступных общему пониманию секретов — организация и работа звеньев. Пользу хозрасчетных, специализированных на той или иной культуре звеньев осознали давно. Результаты до сих пор впечатляют. Сейчас в разных хозяйствах Илишевского района работают шестнадцать передовых звеньев. Звеньев вообще-то много больше, около ста, но передовых — шестнадцать. Звеньев зерновых (а есть еще и занятые кормопроизводством или картофелем). Так вот, площади у них у каждого такие, что иному колхозу иметь впору — не степному, конечно: несколько механизаторов ухаживают за посевами на четырехстах, семистах и даже на тысяче гектаров! Всего эти передовые звенья имеют более одиннадцати тысяч гектаров. И урожайность на этих гектарах без ручного труда, без вмешательства лиц традиционно авторитетных составила в прошлом году от 34,2 до 53,4 центнера.

Урожай такого веса принято называть «кубанским». Хотя сумма температур на земле Илиш меньше. Этот фактор — суммарное тепло — способен решить любой спор. Но есть еще человеческий фактор!

Идет полем красивый человек — Майсара Саттарова. Звеньевая. До горизонта и обратно, как по струнке, ходят послушные ее воле тракторы. Земля пахнет солнцем, хлебным припеком... 53,4 центнера зерна с гектара — это урожай ее звена. А ведь прошлый год был не такой удачный, как запомнившийся здесь 1983-й! В тот хлебородный год Илишевский район намолотил более двух миллионов ста тысяч центнеров хлеба и продал из них миллион двести тысяч государству. Такое не забывается.

За чаем с молоком рассказывал о своих мастерах растить рожь и пшеницу и особенно просо председатель колхоза имени Куйбышева Асхат Лутфуллович Рахманов. Что решает судьбу урожая? Всего не перечислить. Асхат Лутфуллович — человек без внешнего проявления эмоций, настоящий степняк, кряжистый, седой, переживший почти подростком войну (участник штурма Кенигсберга), по образованию агроном, по призванию лидер. Он говорит о власти земли, о силе биологических законов, о важности жить и работать в согласии с ними. Потом председатель привез на опытное поле. Могучие посевы. Они резко отличаются от тех, что зеленеют рядом в поле севооборота. Здесь идет многолетний опыт, сравниваются сорта, дозы удобрений, способы обработки почвы. Колхозная лаборатория под небом. Красиво! Асхат Лутфуллович доволен произведенным впечатлением, но сдержан, говорит об агротехнике жемчужины Башкирии — ржи «чулпан». Много раз я переспрашивал, какова же в колхозе ее урожайность? Много раз терпеливо повторяли: пятьдесят восемь центнеров. Конечно, на хорошем агрофоне. По пару — около сорока центнеров. На поле без удобрений, без минеральной подкормки — тридцать шесть. Но кто же сейчас будет бросать семена чуда-сорта в землю без удобрений, с плохим предшественником? Бросают. Себе в убыток...

Домá в большинстве деревень района — загляденье. Особенно хороша новая деревня в колхозе «Искра» — Юлдашево. Восемьдесят дворов. Утопают в зелени. У калиток — улыбчивые хозяева, детвора с вишневыми глазами, серо-желтые гусята, щенки веселые, как одуванчики. Председатель — Герой Социалистического Труда Тимерхан Сафуанович Назмиев, бывший ротный подо Ржевом. Хозяин, по всему видно. По Юлдашеву видно. Скоро сорок лет, как избирается во главе правления «Искры». Завидная судьба солдата и хлебороба. Трижды ранен, многажды отмечен наградами. Увлеченно рассказывает об ячмене, давшем уму непостижимый урожай — шестьдесят пять центнеров, об овсе — более пятидесяти центнеров на гектаре дают метелки. И снова о ржи вот, башкирской селекции («короткостебельная, колосистая, выручает...»). В колхозе шестьсот трудоспособных на шесть тысяч гектаров пашни. Без техники, без удобрений на нынешней высоте экономику не удержать. Экономика, по мысли Тимерхана Назмиева, это образ жизни тружеников полей и ферм. Дом механизатора и доярки Афки и Фанусы Даутовых — полная чаша. Двадцать один год на тракторе Фарид Гумеров, его жена Фаида — свинарка, причем третий год — лучшая в «Искре», а он тракторист I класса. В районе нет нужды в механизаторах, здесь повсюду двухсменная работа, обязательна аттестация, двое механизаторов из троих имеют I или II класс. Так вот живут Гумеровы — хорошо. И дети — их четверо — под стать родителям. И бабушка Рахима, которая всю войну и даже после нее была колхозным бригадиром, тихо и светло смотрит, как внук Фанил собирается в поле с отцом...

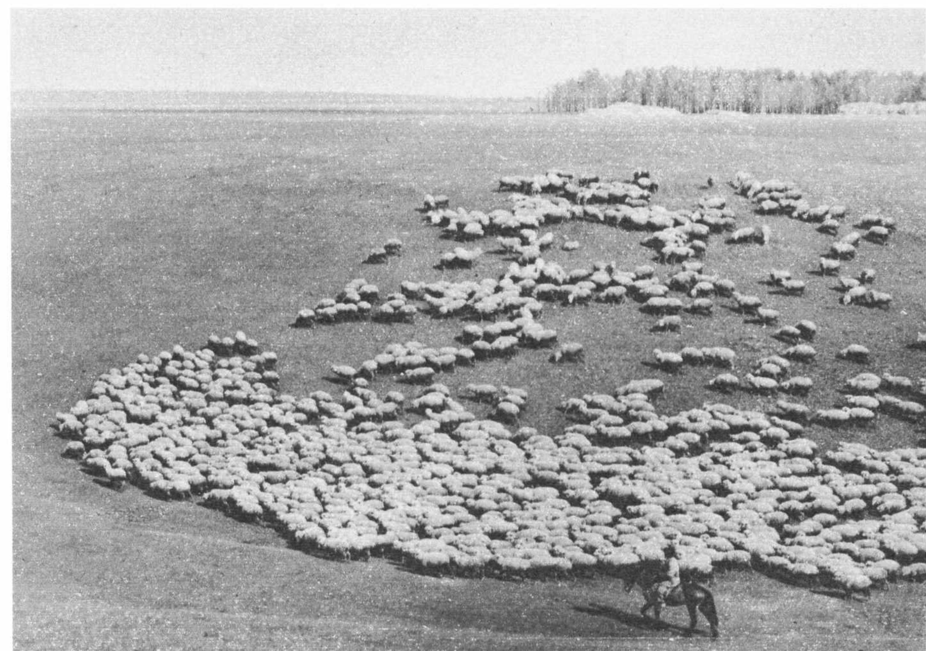
Идем от дома к дому, от судьбы к судьбе, как от мечты к реальному свету реального дня. За четверть века более восьмидесяти процентов домохозяев района построились заново. И продолжают строиться. Дом, подворье, баня. Баня — это бросается приезжему в глаза — у каждого хозяина своя, белая, почему-то большеоконная, да не где-нибудь на задах, а во дворе, часто обочь с гаражом.

Башкир пересел с коня в «Жигули» — так объяснили многие илишевцы. А баня? В здоровом теле — здоровый дух: по-моему, старая мысль по-прежнему в силе.

Земля Илиш очень хороша. Хлебная степь и березовые рощи, соловьиные берега Базы, Сюни, красавицы Агидели... Старое переселилось из деревенских изб в школьные музеи. Музей х л е б а — так называют ребята свои собрания домотканого и деревянного, что успели снести под школьную крышу. Себе на погляденье, потомкам на их главный урок жизни — с чего начинается Родина. Тут и соха-Андревна, и решета, и цепы, и широченные из липы корытца для провеивания зерна, и лапти даже есть, и хлеб. Хлеб современный: каравай, калачи, крендели. «Экспозиция хлеб-

Июнь в степи.

Вместе работают в колхозе «Игенче» Самматовы, Хабибуллины, Вахитовы. Вот они, добрые соседи, новоселы деревни Тазеево!

На сцене Дворца культуры выступают ветераны войны и труда.

Тысячу буханок выпекает каждое утро мастер Зулайхат Насретдинова.

ных изделий часто меняется»,— поясняет девчушка с пионерским галстуком и чересчур серьезным выражением глаз. Пекарни, легко догадаться, как и семейные бани по-белому,— гордость каждого колхоза. Еще лет несколько назад хлеб пекли каждый себе сам. Печь хлебы илишевцы умеют — веками завещано! И все же во всем районе обзавелись пекарнями — домохозяйки нынче ценят свое время. И хлеб очень хорош, он тоже илишевский. Сытный, полновесный, воздушный, как земля ухоженных пашен.

Со школьных лет здешние дети усваивают те немногие истины, без которых человеком не стать. Без которых ни при каких компьютерах не прожить жизнь достойно.

— Работать надо не с родителями, а с детьми!— как-то уж очень категорично высказался Ильдар Шаяхметов. А потом я послушал его, подумал и согласился с ним. «Игенче», то есть хлебороб,— так называется колхоз, в котором председательствует Ильдар Тимергасимович. Игенче — судьба прекрасная, но все более ответственная. От игенче зависит качество жизни не только в деревне, не только. Как говорится, ел бы богач деньги, кабы хлебом его не кормили... Ильдар узкоглаз, сам как из камня — угловат, тяжел борцовской тяжестью. И действительно признался: борец. Это и в деле ему помогает, точнее помогало при случае, особенно поначалу, когда в двадцать восемь неполных лет он был избран председателем в «Игенче» — на родине. До сих пор Ильдар Тимергасимович благодарен за доверие. Дело в том, что его здесь знали с детства; хорошо знали и в родном Тазееве, и рядом, в Кужбахте, где окончил десятилетку. Окончил школу, как в песне пелось, «на честном слове и на одном крыле...». Не та слава была у гордого, своевольного Ильдара, какая у его отца Тимергасима, учителя всех местных жителей, или у мамы Салихи, тоже учительницы. Или, как у брата, который и в школе был первым из учеников и сейчас признан в мире ученых как человек выдающийся...

Трудно шел к себе Ильдар... Но и степная дорога имеет конец — у дома с негаснущим очагом. Конь о четырех ногах, и тот оступается, а человек? Если он человек, должен устоять. Был день, когда по домам Тазеева собирали фотографии выпускников десятилетки для истории,— всех посетили, всех опросили, а про Ильдара забыли, его фотографию не попросили... Стыдились его? Обошли? Он для них умер? И тогда мальчишка убежал из деревни...

Никто о том дне уже и не помнит; никто, кроме председателя Шаяхметова. Он после армии стал студентом, потом агрономом. И стал борцом — во всех смыслах, ибо прежде всего одолел на зеленом ковре земли себя.

Только выслушав исповедь председателя, я согласился с ним: работать надо не с родителями, а с детьми. Детей не упускать! Жеребенок, и тот тянется к хлебу, к

человеческой руке, но узды ему не миновать.

Председатель сумел всех старшеклассников увлечь работой на фермах. Три года каждый четверг школьники доят коров, ухаживают за ними, кормят...

Ильдар Тимергасимович напомнил мне о людях безответственных, нередко пропащих, кто сам хлеба не стóит, а еще вино пьет...

— Человек должен стóить хлеба!— подытожил молодой — ему только тридцать три — председатель колхоза «Игенче».

Стóить хлеба—это очень не просто, ибо хлеб сегодня дорог особой ценой! Каждое упущение на земле, на хлебном поле — каждое!— исправляется не менее двух-трех лет. А упущение при выращивании человека, особенно будущего человека, человека будущего? Тут и трех, а то и пяти лет, пожалуй, мало.

В Илишевском районе загодя прогретые семена высевают в солнцем прогретую землю. И при этом спешат. Дорог каждый погожий день. Шесть дней хорошей погоды накануне лета решают судьбу года, судьбу поля и его людей. Они задают тон традиционному сабантую на майдане неподалеку от преображенного райцентра — села Верхнеяркеева...

— О хлебе, к сожалению, думают только тогда, когда его нет,— напомнил известное Талгат Лутфуллович Рахманов, первый секретарь Илишевского райкома партии.— Но так быть не должно. О хлебе, как и о жизни, о мире, надо думать всегда, ежедневно. Мы так понимаем. И так поступаем.

Район добился многого. Планы четырех лет выполнены и перевы-

Колхозные наездники тренируются перед сабантуем... Снова впереди чемпион района Гаяр!

полнены по всем показателям. По всем. Несколько колхозов близки к досрочному выполнению пятилетки. А колхоз имени Куйбышева выполнил свою еще в прошлом году. Таких колхозов в стране-то немного! Главное, живут здесь хорошо. И хлеб насущный добывают в поте лица своего.

— Человек должен всю жизнь любить тропу, по которой мать ходила по воду.— Так сказал Талгат Лутфуллович. И еще сказал:

— Человек должен хранить гармошку, с которой отец ходил на вечорку.

Человек, где бы ни жил, должен помнить березу, что осталась возле родного дома, какой бы она ни уродилась...

С этого начинается человек на земле Илиш. Начинаются все те, кто скоро, уже скоро, отрапортуют очередному партийному съезду о достойном финише одиннадцатой пятилетки. Уж в этом-то сомнений нет. Район готов к 1990 году увеличить производство зерна еще на полмиллиона центнеров! И случись плохая погода, она теперь не помешает илишевцам проявить себя. Первый секретарь райкома партии — Герой Социалистического Труда. Талгат Лутфуллович здесь родился, здесь и сгодился. После долгой службы на границе учительствовал на родине, а потом стал на стезю партработника; и вот уже без малого четверть века избирается первым. Уроки учителя Рахманова впечатляют.

Если каждый человек на куске земли своей сделал бы все, что он может, как прекрасна была бы земля наша! Так думал Чехов. Илишевский кусок земли — более ста сорока тысяч гектаров угодий. И все они действительно прекрасны. Потому что они давно, по существу, рукотворны. Если бы каждый человек на куске земли своей сделал бы все!..

Шесть дней хорошей погоды немало. Хватило на то, чтобы отсеяться, чтобы забродил новый кумыс, наполнились золотым гулом пасеки, а лучших колхозных лошадей свезти в Верхнеяркеево на сабантуй. Хватило, чтобы подружиться со степью, землей Илиш. Кунаку — хлеб, чай и радость. Так повелось у башкир, так было в те шесть дней.

Анатолий СОФРОНОВ

Твоя судьба, ветеран

В памяти навсегда осталось начало войны. Убежден, что это общая наша память — всех тех, кто встречался с войной лицом к лицу, кого навеки сроднило суровое фронтовое братство, кому жизнь подарила счастье дожить до 40-летия Великой Победы. Но ведь к заветному, долгожданному дню 9 мая 1945 года у каждого из нас был свой путь — общий со всем народом нашим и все-таки свой, единственный, неповторимый, как неповторима каждая человеческая судьба,— путь, начавшийся 22 июня 1941 года. Тогда началась боевая юность пятнадцатилетних парнишек Всеволода Цымлова, приславшего мне недавно письмо, и Юры Крючкова, зачисленных трубачами-горнистами эскадронов 175-го и 176-го кавалерийских полков 60-й кавалерийской дивизии, сформированной осенью 1941 года в Иловле Волгоградской области.

Мальчишки-трубачи... Сколько недетских испытаний выпало на их долю, сколько горя и крови довелось увидеть, какая недетская ненависть к врагу созрела в их сердцах!

«В морозные дни января сорок второго года приходилось играть сигналы конникам-донцам обледенелыми губами. Я старался играть громко, чтобы слышали не только наши казаки, но чтобы и фашисты знали, что им придется иметь дело с донскими казаками»,— пишет Цымлов.

...Казачья слава, ты вновь зашумела.
И встали по первому зову страны
За честь, за свободу, за правое дело
Ковыльного Дона лихие сыны...

Прошли десятилетия. Всеволод Тимофеевич Цымлов живет теперь в Ленинграде, преподает в школе рисование и черчение, руководит ребячьим духовым оркестром. Сегодня он человек самой мирной профессии, своей жизнью, своим трудом и творчеством он причастен к созданию счастливого детства, того самого, которое у его поколения отняла война. И в этом великая логика, великая закономерность нашего советского образа жизни. Но боевая юность по-прежнему стучит в сердце. Вот почему так хочется Всеволоду Тимофеевичу найти своего фронтового друга, отчества которого он по мальчишеству так и не знал. Пишу эти строки и надеюсь, быть может, прочтет их живущий в Москве бывший горнист-трубач Юрий Крючков и друзья встретятся вновь. Мне доводилось видеть подобные встречи, самому переживать их. Скажу так: это не просто счастье, это — возвращение в молодость, это новые силы для жизни, как бы сложно и трудно она ни складывалась.

9 мая нынешнего года в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького многие обращали внимание на двух статных женщин в платьях защитного цвета со множеством боевых наград. Это были Лилия Максимовна Ляхова и Екатерина Степановна Балабанова. В годы войны они служили в Заполярье в 1568-м зенитно-артиллерийском полку, охраняли мурманское небо и морской порт от фашистских стервятников. Зенитчице Лилии Ляховой вручил орден Красной Звезды сам командующий Северным флотом Арсений Григорьевич Головко. Сейчас обе они живут в городе Назарово Красноярского края, трудятся на КАТЭКе, хотя давно имеют право на заслуженный отдых. И вот одной из них, Екатерине Степановне, особенно повезло: через сорок лет она встретилась со своим командиром Львом Николаевичем Белинским и однополчанками Анной Жлобой и Эллой Вайникканис. Это действительно было «счастье со слезами на глазах».

— Я теперь словно окрыленная,— говорит Екатерина Степановна.— Как будто помолодела лет на десять: хочется жить, трудиться и... петь.

Про пение она сказала не случайно. В их городе вот уже больше десяти лет существует хор ветеранов войны и труда под руководством Ларисы Федоровны Черняковой. В день 40-летия Великой Победы почти весь состав хора побывал в Москве по специальным путевкам. Подумайте, какой прекрасный знак внимания к ветеранам, стремление сделать их жизнь полнокровной, яркой, молодой. Больше всего меня радует, что многие наши ветераны не уходят в запас, не замыкаются в четырех стенах, а продолжают жить и трудиться по-боевому.

И снова из встреч недавнего Дня Победы. Даже среди огромного количества лиц разных возрастов и национальностей, среди многочисленных групп и семей трудно было не заметить этих людей. Сухощавый, с роскошной седой бородой гвардии полковник-артиллерист, рядом молодой широкоплечий майор и два малыша шести-семи лет, тоже в военной форме с погонами. Это семья потомственных воинов Беловых. Сам Николай Иванович — кавалер орденов Красного Знамени, Отечественной войны первой и второй степени, трех орденов Красной Звезды, закончил войну в Кенигсберге. Старший его сын, Александр, уже подполковник-ракетчик. Младший, Сергей, пришедший с отцом на встречу с ветеранами, заканчивает академию имени М. В. Фрунзе. А «ефрейторята», как с улыбкой называет дед Игоря и Сашу, чуть ли не с пеленок готовятся продолжить дело деда и отцов.

Николай Иванович, несмотря на седую бороду, по-прежнему молод душой. Он председатель Совета ветеранов 16-й гвардейской Карачевской орденов Ленина и Суворова второй степени стрелковой дивизии, музей которой находится в средней школе № 8 города Загорска. В январе этого года он лично руководил стопятидесятикилометровым лыжным походом школьников Осташков — Торопец по местам боев своей 4-й ударной армии.

Очень важно и примечательно, что сегодня рядом с ветеранами, теми, у кого за плечами огненные дороги Великой Отечественной, мы видим их детей и внуков, которые знают о войне не только по книгам и фильмам, но по рассказам очевидцев, получают от них в наследство великую силу патриотизма, гражданственности, мужества, любви к Отчизне и готовности ее защищать. И еще один важнейший урок дают ветераны войны младшим поколениям. Урок интернационализма.

Артем Ильич Хлиманков был заместителем командира инженерно-саперного ордена Кутузова третьей степени батальона, первым соорудившего мост через Шпрее во время Берлинской операции. Он принимал участие во встрече с союзниками — американскими солдатами.

— Те американцы,— подчеркивает Артем Ильич,— были добрые парни, с открытой душой. Они обнимали нас, радовались миру, ненавидели фашизм, клялись в верности боевому товариществу.

Тем, настоящим американцем, сдержавшим эту клятву верности, был ветеран второй мировой войны Джозеф Половски. «Я считаю своим долгом,— писал он,— неустанно внушать людям, что ужасы прошлой войны нельзя забывать. Этому я посвятил тридцать восемь лет своей жизни, вплоть до сего дня. На Эльбе мы, американцы и русские, поклялись никогда не забывать друг о друге. Мы дали клятву посвятить нашу жизнь укреплению дружбы между нашими странами, чтобы не допустить впредь новой мировой войны».

Джозеф Половски не дожил до 40-летия Великой Победы. Его, как он завещал, похоронили в немецком городе Торгау, на земле, политой кровью советских и американских солдат, спасших мир от фашизма. Вот чью могилу пристало бы навестить его соотечественнику и, возможно, ровеснику, ставшему американским президентом, который с прочувствованным видом стоял не так давно на эсэсовском кладбище в Битбурге, свершив тем самым акт величайшего кощунства и предательства тех, кто отдал свои жизни в борьбе с коричневой чумой.

Есть в парке Горького, на набережной Москвы-реки, место, где ежегодно собираются в свой день советские воины — ветераны Войска Польского. Один из них, Петр Федорович Саламахин,— бывший артиллерист, награжденный Серебряной медалью, заслуженной на поле брани. Ему особенно приятно было видеть в колоннах нынешнего парада Победы своих боевых польских товарищей. И еще одно событие согрело душу ветерана. Накануне Дня Победы ему был вручен ордер на прекрасную двухкомнатную квартиру.

— Я благодарен партии и правительству за внимание и горячую заботу, которую они проявили, издав постановление о дополнительных льготах и преимуществах для участников войны и семей погибших военнослужащих,— сказал Петр Федорович.— Мое новоселье — живой пример такой заботы.

Миллионы ветеранов войны живут среди нас. Я твердо убежден в одном: что все они, независимо от количества наград, герои. Каждый из них отдал все, что мог, для спасения Отчизны, не требуя, не ожидая ничего взамен. Но не значит ли это, что все мы, кто обязан им жизнью и счастьем, в неоплатном долгу перед ними? И если неоплатные долги вернуть невозможно, то есть у младших поколений перед ними ответственные обязанности. И первая из них — внимание и чуткость к заботам и нуждам фронтовиков, умение вовремя прийти на помощь, позаботиться об их и душевном, и житейском благополучии. В этом — благородная суть принятых партией постановлений.

К нам в «Огонек» приходит много писем от ветеранов. Одни рассказывают о своем фронтовом пути, о боевых товарищах, о том, как передают свой опыт молодежи. Не все эти письма удается напечатать, но к каждому из них мы относимся бережно: за ним живая, неповторимая человеческая судьба — одна из тех, которые все вместе составляют портрет поколения сороковых годов. Особое внимание письмам с просьбами о помощи. Огоньковцы сразу связываются с учреждениями и организациями, от которых зависит решение вопроса. И как же приятно бывает получать такие, к примеру, ответы:

«Донецкое производственное объединение протезно-ортопедических изделий сообщает, что 14.03.1985 года тов. Виноградову С. М. вручено две пары специальной обуви.

Директор объединения Н. И. Колесников».

«По существу поступившего в редакцию журнала «Огонек» письма Т. В. Малагиной сообщаем, что исполком горсовета на своем заседании 21 февраля с. г. рассмотрел вопрос о принятии на учет нуждающегося в улучшении жилищных условий ее мужа — инвалида Великой Отечественной войны III группы В. С. Малагина и принял решение включить его в списки в первоочередном порядке.

Зам. председателя Брестского исполкома Н. Коструб».

Внимательно отнесся к нуждам участника Великой Отечественной войны С. М. Старостина, страдающего тяжелым недугом, исполком Совета народных депутатов Ждановского района города Москвы.

Заведующий районным отделом учета и распределения жилой площади Ю. В. Клюев заверил «Огонек», что Старостину будет в этом году предоставлена отдельная благоустроенная квартира.

Из Азербайджана сообщает секретарь ЦК КП республики В. Коновалов, что семье участника войны Д. Кадирова выделен земельный участок и будет оказана помощь в строительстве дома.

Я не стану восхищаться, приходить в умиление от такого отношения к ветеранам. Скажу так: это по-нашему, по-партийному, по-человечески. К этому можно только прибавить: так и должно быть!

Но, к сожалению, нередки и иные случаи, когда черствые, необязательные руководители отгораживаются от ветерана стеной формализма, отработанными бюрократическими приемами, действующими безотказно.

Начальник Ленинградского районного жилищного управления Калининграда Ю. В. Скляров 12 апреля этого года направил ветерану войны П. В. Звереву следующее послание:

«Прошу Вас срочно прибыть в райжилуправление Ленинградского райисполкома по адресу: ул. Фрунзе, 71, кабинет номер 2, со справкой из жэка (о составе семьи и занимаемой площади) для перерегистрации Вашей очереди. В случае неявки Вас (или других членов Вашей семьи) в срок до 19 апреля 1985 года Вы будете исключены из списков очереди на получение жилья».

Я не специалист в вопросах оформления жилищной документации, но как человек, проживший на белом свете немало лет, как писатель и участник войны, как представитель общественности, наконец, позволю себе задать Ю. В. Склярову несколько вопросов.

Что за нужда так срочно гнать тяжелобольного, старого человека за новой справкой в жэк, а потом в жилищное управление? Раз он уже стоит на очереди, значит, идентичная справка в его деле должна быть? (Если ее, конечно, не потеряли!) Какие такие изменения могли произойти к моменту перерегистрации, если жилищное управление ничем человеку не помогло, а жилплощадь способностью к саморасширению, как мне известно, не обладает? И наконец, самое главное. Кто вам, Ю. В. Скляров, позволил угрожать ветерану войны, что из-за невыполнения ваших бюрократических и, по существу, бесчеловечных требований он будет исключен из очереди на получение жилья, улучшения которого добивается четырнадцать лет? Вы, кажется, не до конца осознали, что жилье ветерану дает государство, а от вас оно требует неукоснительного и ответственного исполнения своих обязанностей честного и делового помощника в решении этой проблемы. Вот что пишет по этому поводу жена П. В. Зверева: «3 февраля 1985 года Звереву Петру Васильевичу была спасена жизнь в реанимации. Приступ начался после вот таких «записок» райисполкома. После 3 февраля это уже четвертая с угрозами. Я уже умирающему мужу их не показываю...»

Я очень надеюсь, что в партийных и советских органах Калининграда имеются ответственные люди, которые дадут оценку подобной «заботе» о фронтовике П. В. Звереве и найдут возможность незамедлительно ему помочь.

А вот еще один официальный ответ, читая который испытываешь чувство глубокой горечи.

«Казанский горком КПСС сообщает, что письмо К. Н. Петрова и З. Н. Петровой об улучшении жилищных условий рассмотрено. Тов. Петров К. Н., 1923 года рождения, инвалид Отечественной войны I группы, проживает в Казани с 1 февраля 1984 года в комнате жилой площадью 14 квадратных метров в доме гостиничного типа с частичными удобствами. Совместно с ним прописаны его жена, две дочери, внук и внучка.

В настоящее время Петров К. Н. состоит в очереди на улучшение жилищных условий за счет 10 процентов фонда. Его очередь номер 1579».

Хочу спросить товарищей, написавших этот ответ: с какой скоростью движется эта очередь? В каком году, по их представлениям, получит квартиру ветеран, инвалид первой группы, жизнь которого безвозвратно убывает, осложненная столь тяжелыми бытовыми условиями?

Принятые партией и правительством постановления нацеливают на то, чтобы помощь ветеранам была конкретной и получали бы они ее сегодня, ибо завтра просто можно не успеть. Очень хотелось бы, чтобы это поняли все те учреждения и организации, на которые возложено исполнение этих решений. В них, кстати, подчеркивается право ветеранов на первоочередное пользование всеми видами услуг связи. Однако участнику Великой Отечественной войны М. Г. Скляру из Ворошиловграда, пять лет стоящему в очереди на установку телефона, в который раз отказано в его просьбе «из-за отсутствия свободных линий связи в районе проживания заявителя».

Та же участь постигла ветерана М. М. Штейнберга из Ростова-на-Дону и двух его соседей, тоже фронтовиков. Их заявки будут рассмотрены «ориентировочно в 1986 г.», как следует из письма начальника ГТС О. С. Лабунько.

Почему столь подробно я рассказал об этих тревожащих фактах, думаю, вопроса не возникнет. Даже на приведенных мною примерах видно: там, где судьба ветеранов вверена деловым, компетентным руководителям, которых, как сказал на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев, отличают «...инициатива, смелость и готовность брать ответственность на себя; умение поставить задачу и довести до конца ее решение; способность не терять из виду политический смысл хозяйствования»,— там мы можем быть спокойны за исход дела.

Но равнодушию к человеческой судьбе, канцелярскому хладнокровию к здоровью и благополучию ветеранов, бумажной демагогии мы объявляем борьбу. За нас в этой борьбе весь смысл и существо нашей сегодняшней жизни, социальных, политических и нравственных норм нашего общества. За нас чувство безмерной признательности всем тем, кто жив и кто олицетворяет сегодня народ-герой, народ, мужественно и решительно начавший свой нелегкий путь, путь к Великой Победе в трагический день 22 июня 1941 года.

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНАТА

В. СВЕТИКОВ

На лицо Фаины Егоровны набежала тень. Никто из ее гостей не заметил этого. Пели про рябину, которая хочет перебраться к дубу. Славили хозяйку-именинницу, а она вдруг без всякой вроде на то причины почувствовала, как тревожно забилось сердце и стало отчего-то неспокойно.

Потихоньку, чтобы не нарушить веселья, вышла на улицу. Подтаявший за день снег уже не отсвечивал при лунном свете белизной. На темно-сером фоне очертания предметов едва угадывались, так что Фаина Егоровна чуть не натолкнулась на опору турника. Его поставил сын еще в ту пору, когда оканчивал восьмой класс. «Я, мам, офицером буду,— сказал он тогда.— А офицер должен быть сильным».

Вспомнилась строчка одного из писем сына, присланного из далекого Афганистана: «Скоро от нас к вам улетят скворцы».

«А когда ты прилетишь, родной мой?» — подумала мать. Немного походила по двору и поспешила в дом: пора возвращаться к гостям. Взглянула на часы и вновь вспомнила сына. Часы-то Саша подарил. Сдал кровь и привез ей на 8 Марта подарок. «Ты еще курсант, и такие дорогие подарки рано делать»,— упрекнула она. Сын улыбнулся и ответил: «Тебе — не рано».

— Что с вами, Фаина Егоровна? — спросила ее Алла, невеста сына, когда все разошлись.— Вы прямо в лице изменились.

— Да нет, ничего... Сашу вспомнила.

Она открыла ящик стола, взяла пачку писем. Каждое из этих тридцати пяти писем Фаина Егоровна знала наизусть. Вот одно из первых, оно начиналось словами: «Вчера получил от тебя письмо и пять от Аллы». И далее обязательное: «У меня все нормально». Через месяц писал: «Меня избрали секретарем партийной организации батальона. Так что скучать не приходится». Фаина Егоровна тогда сильно удивилась: больно молод, двадцать один только, а уже партийным секретарем избрали. Но и гордилась: значит, заслужил.

А вот снимки: командир, старшина, шесть солдат из роты, где он был замполитом. Всех их сфотографировал Саша после награждения орденами и медалями. И хотя сына среди них не было, ей приятно смотреть на загорелые лица его сослуживцев. В коротком письме писал: «Высылаю фото. Меня здесь нет. Сохрани их». Мать хранит, снова и снова рассматривает фотографии, вглядывается в лица людей — все они ей дороги, все они ей словно сыновья. Как-то они там? Она внимательно следит за событиями в Афганистане, знает, как неспокойно в этой стране.

Еще два снимка. «Дорогая мамочка! Высылаю фото. Помеченный галочкой афганец — старейшина кишлака. Ему 108 лет, а он в Мекку ходил. На другом — поют афганские солдаты».

Посмотрели вместе снимки, перебрали письма... Потом Алла ушла.

Это было 21 апреля 1982 года.

...В тот же день взводу, которым командовал заместитель командира роты по политчасти лейтенант Александр Демаков — командир взвода лейтенант А. Тарнакин за день до того тяжело заболел, и политработник заменил его,— предстояло охранять один из отдаленных участков дороги, единственной в этой местности. Душманы не раз пытались установить на ней мины, обстреливали колонны. Вооруженные и обученные американскими инструкторами, бандиты пакостили, как могли. Вылезая из своих нор в горах, терзали мирные кишлаки, грабили, отравляли колодцы, убивали сторонников ре-

Герой Советского Союза А. Демаков.

волюции, не жалели ни стариков, ни детей.

Как-то в руки политработника попала книжонка, заброшенная из Пешавара. Рядовой Мухамат Нуров, родом из Узбекистана, помог перевести ее содержание. Называлась она довольно безобидно — «150 вопросов и ответов». Но это был, по сути дела, учебник для бандитов.

«**Вопрос**: Какие задачи стоят перед диверсионной группой?

Ответ: Уничтожение важных объектов.

Вопрос: Что является объектом для нападения?

Ответ: Больницы, школы, столовые...»

«В это «пособие»,— говорил политработник, проводя в роте политчас,— вложена вся злоба противников народной власти и их заокеанских покровителей». Тогда-то и вспомнились изуверства этих озверелых «защитников свободы», как их лицемерно называют на Западе. Демакова радовало, что солдаты тоже хотели высказаться.

...Александр поднялся еще до восхода солнца. Проследил, чтобы все были накормлены. Лично проверил экипировку каждого солдата. По обыкновению, поинтересовался настроением. Дольше, чем с другими, беседовал с рядовым Сергеем Варнавским — в последнее время солдат замкнулся. Бывает, получит человек тревожное письмо и вот уже сам не свой. Многих интересовало состояние здоровья командира взвода. Александр рассказал, что еще вчера связался по рации с командованием и узнал, что лейтенант Тарнакин пошел на поправку.

А через несколько месяцев А. Тарнакин напишет матери Александра Демакова: «Здравствуйте, дорогая мама! Вспоминаю нашу службу с Сашей и понимаю теперь особенно ясно, насколько добр он был. Оказывается, никому не говоря, Саша посылал нашим родителям и женам поздравления с праздниками и обязательно приписывал, что все хорошо, и вообще за нас не волнуйтесь.

Сколько буду жить, всегда буду помнить его. Все мы, кто служил с Сашей, Ваши сыновья. Целую Ваши руки».

Для каждого Александр находил свое слово. Подтянутый, улыбчивый политработник заражал людей уверенностью, бодростью. От его добродушного взгляда, статной фигуры веяло надежностью. Эту надежность солдаты, сержанты и офицеры чувствовали с первого дня прихода Александра в роту. С того самого сентябрьского дня, когда лейтенант Демаков, едва приняв должность, с группой воинов отправился сопровождать колонну машин с грузом для дехкан отдаленных кишлаков.

В мрачном ущелье по колонне ударили из крупнокалиберного пулемета. Машину, в которой рядом с водителем сидел Демаков, словно передернуло. Александр выскочил из кабины и, укрывшись за валуном, резанул очередью по душманам. Вслед за ним слева и справа вспарывали воздух новые и новые очереди: охранение защищало колонну. Вскоре все стихло. Бандиты отступили.

За семь месяцев службы в Афганистане лейтенанту Демакову пришлось десятки раз сопровождать колонны. Совершал он и агитрейды по кишлакам, рассказывал афганцам правду о нашей стране.

В тот день, 21 апреля, лейтенант Демаков беседовал с людьми, словно предчувствуя, что им выпадет суровое испытание. Сложилась такая обстановка, что ожидать душманского нападения на охраняемый участок дороги надо было не с какого-то одного направления, а со всех сторон. Значит, взвод должен дробиться на группы.

Главная задача каждой группы — охрана уязвимых участков, где бандиты, пользуясь рельефом местности, удаленностью от больших населенных пунктов с воинскими гарнизонами афганской армии, действовали наиболее нагло. С одной из групп отправился лейтенант Демаков.

Расставаясь, командир роты старший лейтенант Федяшин спросил:

— Все сделал, что надо?

— Все,— улыбнулся Демаков.— Даже маме и Алле письма успел написать...

В пятом классе, в первый день нового учебного года, Саша Демаков с удивлением увидел новенькую. Она показалась Саше самой хрупкой среди одноклассниц и беззащитной. А тут еще кто-то стал посмеиваться над ней. И Саша встал на ее защиту. После уроков, чем вообще вывел из равновесия своих закадычных дружков, понес домой портфель новенькой. «Сашка-то — влюбился»,— смеялись ребятишки.

В селе Верх-Ирмень, где родился и учился Александр Демаков, я встретился с его классным руководителем А. Воронковым. Он рассказывал:

— Саша готовил себя к военной службе. Интересовался военной литературой, его привлекали судьбы выдающихся людей. Он обладал обостренным чувством справедливости. Помню, в десятом классе мы чуть было не исключили одного паренька. На его защиту встал Демаков, а весь класс поддержал. Время показало, что они были правы.

А вот что вспомнил секретарь комитета комсомола колхоза «Большевик» В. Орешок:

— Саша Демаков болел за товарищей, за дело. Задумали написать для музея историю села — Саша первым пошел по домам. Футбольной команде нужен вратарь — он им стал. На электрооргане научился играть, чтобы заменить руководителя колхозного вокально-инструментального ансамбля, когда тот ушел в армию.

Жил когда-то в Верх-Ирмени человек, на которого Саша очень хотел быть похожим. Ему посвящен стенд в колхозном музее, а в фойе школы на правой колонне висит его портрет. Каждый день видел Саша Демаков этого юношу с летными петлицами и Звездой Героя на груди. Герой Советского Союза гвардии капитан Алексей Гаранин в числе первых еще в самом начале войны бомбил Берлин. Погиб он в июле 1943 года в районе станции Орша, направив свой горящий самолет на фашистский склад боеприпасов.

Не знал Демаков, что пройдет всего несколько лет и его портрет повесят в фойе школы на левой колонне. И встретятся в вечном взгляде герои...

В Новосибирске, в высшем Военно-политическом общевойсковом училище имени 60-летия Великого Октября, многие преподаватели и командиры помнят ершистого курсанта Демакова. Подполковник И. Столярский говорит:

— Любое приказание Саша выполнял точно и в срок. Вскоре после поступления в училище его назначили командиром отделения. Строго относился к подчиненным, но прежде всего — к себе. Чтобы попасть служить в Афганистан, приходил ко мне трижды. Так и заявил: не пошлете,— всю жизнь обижаться буду.

...В группе Демакова, отправившейся на охрану дороги, были солдаты проверенные, понюхавшие пороха. Некоторые из них имели боевые награды. Сержанты Сергей Никитин, Усман Аллядинов, рядовой Фердинанд Валиев награждены медалью «За отвагу».

Группа шла к цели западнее других. Подойдя к дороге на близкое расстояние, Демаков обратил внимание, что впереди арык. Он тянулся, словно траншея. Метрах в ста за ним — невысокая стена дувала. Она уходила в гранатовый сад. Эта часть дувала и деревья могли в случае чего послужить укрытием.

На них-то Демаков и показал, коротко бросив:

— Там залечь.

Перебежками добрались до дувала. Надо было идти дальше. И тут прозвучали выстрелы. Пули брызнули совсем рядом.

Огонь бандитов был плотным. Группа отвечала короткими очередями. Связавшись по рации с командованием, Демаков доложил обстановку. О помощи не просил, знал, что к ним и так поспешат на выручку. Но знал он и другое: такую многочисленную банду — это было видно по плотности огня — им не одолеть.

Сквозь деревья Александр видел, как душманы, где перебежками, а где ползком, охватывают их полукольцом. Меткими очередями группа сдерживала наседавших. Но и огонь бандитов становился все прицельнее. Пуля обожгла плечо лейтенанта. В создавшемся положении хоть какие-то шансы на спасение давало лишь одно решение — отступать к арыку. Но отходить к нему надо по открытому пространству. Значит, кто-то должен прикрыть отход.

Несколько душманов выскочили из укрытий и бросились вперед. Огнем их заставили залечь.

— Вот что.— Демаков повернул голову к лежащему недалеко Валиеву и увидел его глаза, тревожные, но без испуга.— Слушайте приказ! Отползайте к арыку. Я прижму их пока к земле. К арыку! — громко и требовательно повторил он, так как никто не шевельнулся.

...В городе Брежневе я встретился с рядовым запаса Ф. Валиевым. Он работает слесарем на КамАЗе.

«Я лежал в двух шагах от лейтенанта,— вспоминает Валиев.— Сквозь бешеный треск едва услышал его голос. Он повторил приказ.

— Лучше останемся все вместе,— послышалось слева.

— Выполняйте, — нетерпеливо бросил он.— Я их задержу, а потом вы ударите с фланга.

Тактически это было правильно и вселяло надежду, что всем нам удастся вырваться.

— Дайте мне гранаты,— сказал лейтенант.

Я отдал ему все четыре гранаты. А когда пополз к арыку, услышал: «Если что — напишите моим...»

Бандиты заметили, что наши солдаты уходят. Демакова за дувалом не было видно, и они в открытую бросились вперед. Взрыв гранаты остановил бандитов. Они попятились и спрятались за укрытиями. Воспользовавшись передышкой, Александр сообщил по рации о принятом решении прикрывать отход своих солдат.

Вокруг него раскинулся цветущий гранатовый сад. Несколько веток, срезанных пулями, упали рядом и дышали ароматом прямо у его лица.

А вдалеке осталась Родина, родное село и речка, дом на берегу, где ждет мать. Осталось столько уголков страны, где он мечтал побывать и не успел. Столько не успел! Не сыграл свадьбу с любимой, не проводил в запас своих первых воспитанников, не прочитал массу книг, которыми обзаводился и здесь, в Афганистане. Многое не успел — жизнь только начиналась. А в руках оставалась последняя граната. И все слышнее крики душманов: «Сдавайся!»

О последних мгновениях жизни Александра Демакова рассказывает кавалер ордена Красной Звезды капитан А. Федяшин:

— Мы спешили на помощь. «Держись, Саша!» — кричал я по рации. В ответ — молчание. И вдруг: «Командир, я ранен в четвертый раз. Осталась одна граната. Передайте всем, погибаю как советский человек!» Когда мы нашли Александра, вокруг его бездыханного тела валялось множество трупов. Последней гранатой наш замполит подорвал себя и душманов.

* * *

В Новосибирском высшем Военно-политическом общевойсковом училище имени 60-летия Великого Октября идет вечерняя поверка. Старшина одной из рот называет фамилию:

— Лейтенант Демаков!

Из строя отвечают:

— Герой Советского Союза лейтенант Демаков пал смертью храбрых, выполняя интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан.

МОЛОДЫЕ ХУДОЖНИКИ

Журнал «Огонек» нередко публикует на своих цветных вкладках произведения молодых художников Советского Союза. Богата, многоцветна палитра их искусства. Очень разные полотна, скульптура, графические листы предстают перед многочисленными зрителями, посещающими выставки молодых. Так же людно было на экспозиции в залах Государственной картинной галереи на Крымской набережной. Посетители пристально вглядывались в произведения молодых живописцев, ваятелей, графиков.

В этом, как и в предыдущем номере журнала, мы воспроизвели картины с Всесоюзной выставки молодых художников. Эскиз росписи «Времена года» Бориса Михайлова задуман как оформление интерьера сельского Дома культуры. Елена Ткачева и Сергей Смирнов, Евгений Зубов, Алексей Наумов обращаются к труду и быту, к заботам и радостям своих современников. Одухотворена и прекрасна юная флейтистка на полотне «Две девушки» Даце Лиела. «Венеция» Татьяны Федоровой отражает возросший среди молодежи интерес к традициям и ценностям мировой и отечественной культуры.

Т. Федорова. Род. 1952. ВЕНЕЦИЯ. 1983.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Б. Михайлов. Род. 1959. ВРЕМЕНА ГОДА. ЛЕТО. 1984. (Фрагмент).

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Д. Лиела. Род. 1957. ДВЕ ДЕВУШКИ. 1983.

Всесоюзная выставка произведений молодых художников.

Е. Ткачева. Род. 1959. НЕВЕСТА. 1983.

МОСКВА, 41-й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

24

Да, если несчастья обрушиваются на человека, то, бывает, с той внезапностью, которая оглушает даже посторонних людей. Но может ли быть несчастье на войне бóльшим, чем гибель?.. Оказывается, может. Его приносит не вражеский самолет, не случайный снаряд, не шальная пуля. И суть такого несчастья не в нравственных муках военачальника, потерпевшего поражение в противоборстве с врагом... Случаются беды иного характера, подоплеки которых вызревают в чьем-то предвзятом или воспаленном воображении, опирающемся не на истину, а на заблуждения или на злую волю.

Именно такая беда подкарауливала генерал-лейтенанта Качалова.

Уже было назначено время вызова в штаб армии командиров дивизий. Уже дважды адъютант командарма майор Погребаев делал пробные кипячения воды в тульском самоваре. И сейчас самовар, сверкая медным начищенным пузом, высился в приемной на казенном столе, оттеснив в сторону такую же допотопную, как он сам, пишущую машинку...

Вдруг в приемной комнате появился с «разносной» папкой в руке начальник узла связи — бравый капитан в зеленых парусиновых сапогах и в новеньком полевом снаряжении. Он с деловитой торопливостью прошагал через приемную и, не попросив, как обычно, у адъютанта доложить о нем командиру, скрылся за дверью в кабинете. Майор Погребаев был озадачен: начальник узла связи прямо к командарму, минуя начальника штаба?..

Через минуту жизнь в штабе армии как бы повернула в другую сторону и набрала стремительный ритм. В кабинет генерала Качалова были срочно вызваны все начальники отделов и служб во главе с начальником штаба. Причиной этому явилась та же директива о контрударе в сторону Смоленска пяти армейских групп, которую несколько раньше получил штаб 16-й армии генерал-лейтенанта Лукина. А вместе с директивой — приказ командующему 28-й армией генерал-лейтенанту Качалову...

Чем-то тревожным дохнуло на Владимира Яковлевича из стопы расшифрованных документов. Перекинулся мыслью во вчерашний день, который виделся сквозь последнюю информационную сводку о положении войск Западного фронта. В ней уже не было той ясности, какую он ощущал в кабинете Сталина, когда об оперативной обстановке докладывал Жуков. 22-я армия, прикрывавшая правый фланг фронта в районе Великих Лук, оборонялась изо всех сил, частью дивизий попадая из одного окружения в другое и пробиваясь затем на северо-восток. 16-я армия, увеличившись за счет вошедшей в нее 127-й стрелковой дивизии генерал-майора Т. Г. Корнеева, не оставляла попыток освободить от врага Смоленск и в то же время, как и 20-я армия, вела перегруппировку сил, исходя из последней директивы Генштаба.

Но видит ли командование фронтом, сколь усложнилось положение после вчерашнего захвата немцами Ельни? Ведь это удобнейший, выдвинутый на восток плацдарм для броска с него немцев на Москву. И что вообще происходит в штабе фронта? Как, например, понимать, что директива о наступлении на Смоленск подписана от имени Генштаба маршалом Тимошенко — главкомом Западного направления? Не ускользнуло от внимательного взгляда Качалова, когда изучал он шифровки, и то, что в руководстве штаба фронта сделаны некоторые перестановки.

Сидя за столом просторного кабинета, Владимир Яковлевич все вчитывался в документы, слышал, как спешно развешивались на стенах карты с дислокацией войск 28-й армии, карты местности, на которой предстоят боевые действия. По наступившей тишине понял, что собрались все, кому полагалось здесь быть, и четким густым голосом прочитал директиву, в которой излагался замысел действий армейских войсковых групп, создаваемых из двадцати дивизий Резервного фронта. Они, эти дивизии, должны были нанести одновременные удары по сходящимся направлениям на Смоленск с северо-востока, востока и юга и во взаимодействии с 16-й и 20-й армиями разгромить смоленскую группировку противника и отбросить ее за Оршу. В то же время для удара по тыловым частям немецких армий «Центр», оторвавшимся на значительное расстояние от своих передовых механизированных частей, Генштаб бросал три кавалерийские дивизии, сосредоточенные в полосе 21-й армии близ Жлобина. Для участия в операции выделялись также три авиационные группы, каждая в составе до смешанной авиационной дивизии... Ну что ж, замысел серьезный... Но как он будет выглядеть на фоне предвидимых новых боевых действий немцев?

Когда же в директиве речь заходила о войсковой группе генерал-лейтенанта Качалова, голос Владимира Яковлевича несколько возвышался, будто в него непроизвольно вторгались торжественные нотки. Но это была маленькая хитрость генерала. Он обратил внимание, как прокатился по кабинету похожий на вздох шумок, когда в зачитываемом им приказе прозвучала фраза: «Ставка передает в распоряжение маршала Тимошенко двадцать дивизий из Фронта резервных армий, образуя из них пять армейских групп...» Владимир Яковлевич сразу же понял, что у всех возник, кольнув острыми коготками сердца, один и тот же вопрос: «А как же их 28-я армия в целом? Остается в Резервном фронте? Под чьим командованием? И как теперь с ее штабом?.. Ведь все они, став штабом группы, вроде бы понижаются в должностях, «выпадая» из штатного расписания армейского звена?»

Этот, пусть не весьма важный вопрос подсознательно всплыл и перед ним, Качаловым, неуправляемо и зыбко вторгаясь в сознание. Ведь верно: одно дело он — командующий армией... «Надо остановить Гудериана, товарищ Качалов»,— вспомнились тревожные слова Сталина... А теперь «товарищ Качалов» всего лишь командующий войсковой группой, что, по существу, равнозначно командиру корпуса...

Вот и возвышал он голос, читая шифровки, чтоб отмежеваться от столь незначительных мыслей и показать подчиненным, что выполнение поставленной перед ними боевой задачи не меньше, чем вопрос их жизни или их смерти.

Но понимают ли они это? Владимир Яковлевич поднял голову, пробежался строгим с прищуром взглядом по лицам присутствующих. Непроницаемы... Только лукавую хитринку на миг уловил в глазах члена Военного совета армии бригадного комиссара Колесникова, сидевшего сбоку стола. Угадал, видать, бригадный комиссар побочную мыслишку генерала Качалова! Но тут же Колесников нахмурился, придал лицу озабоченность и что-то шепнул сидевшему рядом с ним полковому комиссару Терешкину — начальнику политотдела армии.

Справа от Качалова, за приставным столом, расположился над картой начальник штаба армии генерал-майор Егоров; он, поглядывая на свою карту, строго следил за тем, как два молоденьких лейтенанта-общевойсковика в новой, еще не обмятой форме наносили на приколотую к стене карту большого масштаба исходные позиции 149-й, 145-й стрелковых и 104-й танковой дивизий. Владимир Яковлевич тоже оглянулся на карту. И хотя севернее Рославля четко вырисовывались гнутые «валы» — линии исходных позиций полков, хотя к Смоленску, перешагнув через Починок, протянулась от них грозная красная стрела, обозначавшая общую задачу их армейской группы, генерал Качалов не мог не видеть, что с северо-востока нависает захваченная вчера врагом Ельня, где еще до сих пор вела бой 104-я танковая дивизия. И опять ему вспомнились слова Сталина: «Надо остановить Гудериана, товарищ Качалов...»

25

Но остановить, а тем паче разгромить Гудериана пока было не суждено даже силами всех пяти армейских групп и двух окруженных в районе Смоленска наших армий. Об этом еще не знали ни Качалов, ни Тимошенко, ни Сталин; их тешила только надежда, что все сбудется так, как задумал и спланировал Генеральный штаб во главе с генералом армии Жуковым.

Военачальники обычно ощущают театр военных действий подобно тому, как опытный врач при помощи стетоскопа слышит и понимает биение сердца в груди человека. И нет ничего удивительного в том, что в эту последнюю декаду июля 1941 года руководители советского Генерального штаба и немецкого штаба верховного командования одновременно сосредоточили свои взоры на пространствах между Смоленском и Вязьмой и между руслами рек Сож, Днепр, Вопь. Было яснее ясного, что именно там запирались ворота к Москве. И командования противоборствующих сторон, каждое по своим оценкам, догадкам, выводам и решениям, принимали соответствующие меры: немецкое включало в свой план быстрое «поглощение» расстояния в 300—350 километров, которое отделяло их от советской столицы, и захват Москвы; советское же военное руководство изо всех сил стремилось порушить замыслы гитлеровцев, отбросить их силы на запад и упрочить оборону на всем советско-германском фронте.

Идея контрнаступления пятью нашими армейскими ударными группами в районе Смоленска для деблокирования окруженных там 16-й и 20-й армий и для ликвидации опасности прорыва врага к Вязьме и к Москве была частью оперативно-стратегического плана на ближайший период и принадлежала лично Сталину. Он, впрочем, требовал от Тимошенко даже бóльшего: «Создавать на Западном фронте ку-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22—25.

лаки в семь-восемь дивизий с кавалерией на флангах». Тимошенко же создал «кулаки» по три дивизии в каждом...

Инициаторами крупных или малых операций советских войск в большей мере являлись Генеральный штаб с его главным мозговым центром — оперативным управлением, штабы фронтов или даже иногда штабы армий. Но окончательные решения с дополнениями и уточнениями принимались в кабинете Сталина, в присутствии находившихся к тому времени в Москве членов Ставки Верховного главнокомандования и членов Государственного Комитета Обороны.

А как у высшего немецко-фашистского командования? Как у Гитлера?..

Ведущие войны полководцы во все времена собирали и изучали сведения друг о друге, дабы легче было постичь образ и степень свободы мышления своего противника, объем его знаний и главные возбудители чувств, влияющих на мыслительный процесс.

Так, например, поступал Наполеон: начиная войну, он прежде всего интересовался неприятельским полководцем и организацией неприятельского командования...

Может, именно поэтому Сталин однажды задал вопрос генерал-майору Дронову, который занимался в Генштабе агентурной разведкой: «А как функционирует ставка Гитлера? Из чего складывается ее работа?.. Как они там вырабатывают свои людоедские планы?..»

Через несколько дней генерал Дронов положил на стол генерала армии Жукова папочку, в которой лежали бумаги, содержавшие ответы на вопросы, занимавшие Сталина. Жуков, прежде чем взять с собой папку в Кремль, не без интереса сам ознакомился с ее содержанием.

Сверху в папке лежала справка с указом от 4 февраля 1938 года о руководстве вермахтом. В указе говорилось: «С настоящего момента руководство всеми вооруженными силами осуществляю я лично. Существовавшее до сего времени Главное оперативное управление военного министерства реорганизуется в Главный штаб Верховного Главнокомандующего и со всеми своими компетенциями переходит непосредственно в мое подчинение.

Возглавляет штаб Верховного Главнокомандующего его начальник, занимавший до настоящего времени пост начальника Главного оперативного управления военного министерства, по своему рангу он приравнивается к рейхсминистрам.

Штаб Верховного Главнокомандующего будет одновременно выполнять и задачи военного министерства, начальник штаба Верховного Главнокомандующего от моего имени выполняет функции военного министра...»

Вторая справка рассказывала о процедурах военно-оперативных докладов фюреру.

«Такой доклад впервые состоялся в день нападения Германии на Польшу — 1 сентября 1939 года в старом саду зимней рейхсканцелярии. Сейчас штаб-квартира фюрера функционирует либо в штабном поезде, либо в специально оборудованных помещениях с приспособлениями для быстрой смены и крепления карт и схем, со столами для ознакомления с разведывательными данными и новыми образцами русского стрелкового оружия. На этих совещаниях, после того как начальник штаба сухопутных войск докладывает оперативную обстановку, принимаются все важные решения и отдаются приказы.

При докладах у Гитлера присутствует ограниченный и постоянный круг людей: начальник штаба Верховного Главнокомандующего генерал-фельдмаршал Кейтель, начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал Йодль, четыре адъютанта фюрера и, как правило, «личный офицер связи» генерал Боденшатц. Иногда на совещания приглашаются представители штаба сухопутных войск, а также представители военно-воздушных сил. Чаще других с докладами выступает начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал Йодль. В своих информациях он опирается на донесения трех главных командований видов вооруженных сил.

Если штаб-квартира фюрера располагается в полевых условиях, то помещения для совещаний оборудуются применительно к условиям, или строятся специальные бараки.

Кроме регулярных докладов об обстановке на фронтах, созываются специальные совещания в узком кругу — это при получении особо важных донесений от главнокомандующих видами вооруженных сил.

В штаб-квартире фюрера «Волчье логово» оперативные совещания в присутствии фюрера проводятся ежедневно в полдень. Материалом для них служат утренние донесения командования видов вооруженных сил. У главного командования сухопутных войск основой для таких донесений являются последние донесения командующих группами армий за день. Только командующие германскими войсками в Финляндии, Норвегии и Северной Африке направляют свои донесения непосредственно в штаб Верховного Главнокомандующего и параллельно в главное командование сухопутных войск».

«Небезынтересен распорядок рабочего дня Гитлера,— замечалось в справке.— Около 11 часов дня в узком кругу Йодль докладывает ему полученные в течение ночи донесения, используя карты театров военных действий. Иногда он делает доклад позже, поскольку после дневных трудов Гитлер по обыкновению проводит ночь в разговорах за чаем до четырех утра со своими приближенными, иногда даже со своими двумя стенографистками. Для решения военных дел это составляет неудобство: фюрер часто спит до половины дня, и никто не смеет беспокоить его».

Генерал армии Жуков познакомил Сталина с описанием «образа жизни» ставки Гитлера в канун начала действий армейской группы Качалова. Похвалив работу советской агентурной разведки, Сталин сказал:

— Теперь, товарищ Жуков, мы, употребив небольшое воображение, можем представить себе, что делает сейчас Гитлер, и, улучив момент, кинем ему за шиворот кулек с блохами... Соберут блох на овечьих пастбищах, а мы дадим им указание до смерти загрызть фюрера.

При всей своей сдержанности Жуков хохотал, как мальчишка, и утверждал, что уже и на своей спине почувствовал блошиную возню. А затем сказал:

— Я не верю во всякие наития, прозрения, но, честное слово, товарищ Сталин, в нашей предвоенной оперативно-стратегической игре на картах, которой руководили Тимошенко и Мерецков, я добился успеха со своей «синей» стороной еще и потому, что угадывал, о чем заботились Тимошенко и Мерецков. Так что действительно полезно нам знать психологию противника.

— Ну, а теперь угадывайте, что замышляет Гитлер,— сказал Сталин, помрачнев, глаза его сузились, исчезла под их нахмуренными бровями знакомая золотинка.— Сейчас «игра» насмерть: кто кого... Для начала на рубеже верховьев Днепра мы должны хряпнуть Гитлера мордой о землю. Сделайте все для этого.

Немецкое командование пока не ведало о готовящемся контрударе советских дивизий в направлении Смоленска. Но предпринимаемые в эти дни действия немецко-фашистских войск были значительно масштабнее, с далеко идущими планами и уже в начале своего развития сами по себе путали карты советского командования и рушили его замыслы. Рушили, но не сводили их на нет, ибо замысел маршала Тимошенко все-таки основывался на разумных расчетах и на реальных возможностях нанести противнику ощутимый урон в живой силе и технике. И не покидала Главкома надежда вывести наконец из окружения 16-ю и 20-ю наши армии.

Германское же верховное командование, убедившись в стойкости Красной Армии в оборонительных боях, в умении советских штабов планировать и проводить боевые операции даже в невыгодных для себя условиях, в умении красных командиров маневрировать на широком фронте живой силой и боевой техникой, стало искать принципиально новые оперативно-стратегические решения. Для этой цели 21 июля Гитлер со всеми мерами предосторожности прибыл в штабном поезде на оккупированную советскую территорию в расположение группы армий «Север». Командующим этой группой был фельдмаршал Лееб. Его войска, по мнению Гитлера, достигли наилучших успехов, и сам Лееб как стратег, военный мыслитель считался у него наиболее выдающимся. Именно к нему первому направился Гитлер, чтоб снять рождавшиеся у него сомнения и укрепиться в тех истинах, которые будто само провидение подсказывало ему. «Необходимо возможно скорее овладеть Ленинградом и очистить от противника Финский залив, чтобы парализовать русский флот,— потребовал фюрер.— От этого зависит нормальный подвоз руды из Швеции». Здесь же Гитлер впервые высказал замысел о снятии обеих танковых групп с московского направления. 3-ю танковую группу он предлагал перебросить на северо-восток для содействия наступлению на Ленинград и чтобы «как можно скорее перерезать железнодорожную линию Москва — Ленинград», 2-я же танковая группа должна сыграть решающую роль на юго-востоке, куда она и будет повернута.

А судьба Москвы была «предопределена» в документе германского верховного командования, именуемом «Дополнением к директиве ОКВ № 33 от 23 июля».

«После улучшения обстановки в районе Смоленска и на южном фланге,— указывалось в этой бумаге,— группа армий «Центр» силами достаточно мощных пехотных соединений обеих входящих в ее состав армий должна разгромить противника, продолжающего находиться в районе между Смоленском и Москвой, продвинуться своим флангом по возможности дальше на восток и захватить Москву».

Итак, германское верховное командование, убедившись, что их «блицкриг» пока несбыточен, спешно перестраивало план войны в целом, перебрасывало танковые группы на другие направления, а в районы, из которых должны были уйти танковые группы, спешно подтягивало свежие силы. Вот и случилось, что к одному и тому же исходному рубежу севернее Рославля с запада спешил 24-й моторизованный корпус врага, а с востока туда же выдвигалась, чуть опережая противника, группа дивизий генерал-лейтенанта Качалова.

И произошло еще малозаметное событие: сумятица передвижений больших колонн вражеских войск «затерла» в болотистом лесу крохотную группу майора Рукатова, будто загнав ее в капкан. И Рукатову ничего другого не оставалось, как терпеливо выжидать случая, чтоб с пароконной телегой, груженной мешками с деньгами Белорусского государственного банка, вырваться из вражеского тыла. Такое время, по его наблюдениям, близилось.

26

Штаб — мозговой центр любой воинской части. Все его отделы, отделения, все находящиеся при нем люди представляют собой в совокупности сложнейший, хорошо отлаженный механизм, где каждая «деталь» точно знает и исполняет свое назначение. Этот механизм комплектует подразделения, вырабатывает для них боевые задачи, собирает информацию и дает ей движение — от ячейки к ячейке, он запоминает, считает, решает задачи со многими неизвестными и в конечном итоге дает возможность старшему командиру осуществлять замысел, приводить войска в движение и указать цели их огневым средствам. При этом штаб, если его звенья работают хорошо, постоянно все видит и слышит не только в полосе действий своих войск и противника, но и своих соседей справа и слева. Штаб также планирует работу тыловых органов, питающих фронт всем необходимым; а это сонмище самых разнообразных дел.

Над штабом возвышается командный пункт старшего командира, приближенный, насколько возможно, к переднему краю и передвигающийся вслед за войсками, если они наступают. КП не сравнишь ни с обычной вышкой, ни со старой городской каланчой, с которой было видно, где что горит. Однако в своем назначении у них есть нечто общее: со своего КП командир должен видеть местность как можно глубже и шире и управлять оттуда боевыми действиями войск, сам будучи невидимым со стороны противника.

Командный пункт генерала Качалова за эти два дня передвигался вперед дважды, а сейчас находился в лесу близ деревни Стодолище. Владимир Яковлевич до сегодняшнего утра был в общем-то доволен ходом наступления своей армейской группы. В первый же день боев, 23 июля, она таранным ударом отбро-

сила передовые части немцев за реки Беличек и Стометь, заняв несколько деревень. Беспокоила только 104-я танковая дивизия полковника Буркова. Она увязла в боях за Ельню и поэтому до сих пор не вышла на указанные ей исходные рубежи.

Генерал Качалов сидел на тесовой скамеечке во мраке блиндажа, вырытого на опушке леса. Лес широкими крыльями размахнулся вправо и влево, выступая то вперед, то полуовалами и полукругами, вгибаясь и выгибаясь, заполняя непролазным подлеском овраги и бугры. В блиндаже рядом с генералом стояла заляпанная глинистой землей тренога стереотрубы, глядевшая окулярами в узкий проем амбразуры.

В блиндаже было жарко и тускло. Вчерашний ливень сделал лес неуютным, хмурым. И было похоже, что небо вновь готовится щедро полить землю, хотя иногда из глуби облаков падали на поляны ярко-горячие пятна солнечных лучей.

На столике в углу блиндажа пискнул зуммером телефонный аппарат. Боец-связист тут же откликнулся хрипло-басистым голосом:

— Есть передать первому!— и протянул генералу трубку с удлиненным шнуром.

Начальник штаба генерал-майор Егоров густым, интеллигентным голосом докладывал из Стодолища, что «коробочки» Буркова наконец-то вышли из боя и спешат «на свидание». Это значило, что 104-я танковая дивизия в районе Ельни оторвалась от противника и устремилась в район деревень Борисовочка — Ковали, чтобы прикрыть правый фланг наступающих стрелковых полков армейской группы Качалова и усилить темп продвижения к Починку.

Возвращая трубку телефонисту, Владимир Яковлевич будто воочию увидел танковую дивизию на марше: она, выдвинув вперед усиленную головную походную заставу, стремительно движется по разбитой и раскисшей дороге, ведущей в сторону Рославльского шоссе, а справа и слева от нее в пределах видимости калечат гусеницами поля боковые походные заставы — по танковому взводу в каждой. Сзади нескончаемая, дымящая солярой колонна танков... Силища, которая, несомненно, должна проломиться к Смоленску.

К просторному блиндажу Качалова примыкали два менее обширных блиндажа, также многослойно накрытых накатами из толстого, скрепленного железными скобами «кругляка». В них трудилась оперативная группа — разведчики, оперативники, представители родов войск. Там собирались все сведения, велась работа на картах.

Дыхание фронта ощущалось все явственнее и почти со всех сторон. Впереди и слева неумолчно клокотала орудийно-минометная пальба. Откуда-то с тыла доносился гул бомбежки — будто десятки кувалд били о землю, и она то однотонно стонала, то басисто вскрикивала... Потом гул бомбежки стал доноситься с северо-востока, и генерал Качалов понял, что немецкая авиаразведка заметила передвижение 104-й танковой дивизии.

В блиндаж неслышно вошел лейтенант из оперативного отдела и, не тревожа командующего, красным карандашом сделал отметки на его карте, значившие, что полки 149-й стрелковой дивизии вышли на рубеж Гута, северный берег речки Беличек, деревню Ворошилово и северный берег речки Стометь. Владимир Яковлевич, скосив глаза, оценил изменение обстановки. Но радоваться пока было нечему. Уж очень угрожающей была воображаемая линия, соединяющая захваченные немцами Великие Луки, Ярцево, Ельню. Его, Качалова, армейская группа уже, по существу, вела боевые действия в полуокружении; пробиваясь на северо-запад, она как бы еще глубже забиралась немцам под шкуру.

Телефонист опять притронулся трубкой к его плечу, хотя зуммера аппарата Владимир Яковлевич не слышал. Вновь звонил генерал-майор Егоров и докладывал, что в район действий 145-й стрелковой дивизии вышел представитель войсковой оперативной группы генерала Чумакова майор Рукатов и вывез с собой пароконную телегу, груженную мешками денег Белорусского банка.

— Утверждает, что лично знаком с вами,— сообщал Егоров.

— Ну и что, если знаком? Это не кадровик ли из Москвы?— безо всякого энтузиазма уточнял Качалов.— Но тот вроде был подполковником.

— Верно, бывший работник управления кадров.

— Чего он хочет?

— Требует, чтоб мы дали ему грузовик и охрану — везти деньги в штаб фронта.

— Ну, пусть там ваши финансисты созвонятся с фронтом и решат.

— Владимир Яковлевич...— Егоров, кажется, говорил с трудом.— Я тебе не доложил о самом главном и весьма неприятном...

Качалов знал, что если уж начальник штаба переходил с ним на «ты», значит, случилось что-то из ряда вон выходящее.

— Докладывай,— спокойно потребовал Качалов.

— Немцы мышеловку нам устраивают... По показаниям пленных. Да и разведка наша подтверждает.

— Конкретнее!

— На подходе еще два армейских корпуса. Причем один из них строго нацеливается на Рославль — нам в тыл,— уточнил Егоров.

— В штаб фронта сообщил сведения?

— Сообщил. Там пока не очень верят, но, насколько я понял, усилили авиаразведку.

— Пусть бы прикрыли наши тылы.

Владимиру Яковлевичу тоже не хотелось верить в столь серьезную угрозу, нависшую над его войсковой группой. Но тревоги не должны затмить надежду: ведь его дивизии взаимодействуют с огромной силищей — еще четырьмя группами. Да и конница Городовикова вот-вот должна ударить по тылам немцев.

Начальник штаба, понимая, что командующий размышляет над услышанным от него, некоторое время тоже молчал, а затем вновь напомнил о себе:

— Да, а как быть с этим Рукатовым? Ведь наши финансисты во втором эшелоне. Все равно нужно дать ему машину и охрану.

— Из вражеского тыла пробивался без охраны, а тут эскорт подавай?!— В словах Качалова сквозило раздражение.

— Вот он, рядом со мной. Пусть сам и объяснит.

Качалов слышал, как генерал Егоров что-то говорил Рукатову, а затем донесся до Владимира Яковлевича полузабытый голос кадровика, с которым он не раз встречался и беседовал в Москве.

— Здравия желаю, Владимир Яковлевич!— нарочито бодро поздоровался Рукатов.— Благодарю вас за заботу и гостеприимство!

— В чем оно выразилось?— холодно спросил Качалов.

— Мы вышли к вам, как черти из болота! Нитки сухой на нас не было! И голодные, как волки!

— Переодели, накормили?

— Так точно. Все, как полагается. А сейчас прошу машину и надежную охрану!— И Рукатов коротко рассказал о том, что в его маленьком отряде вызревал в тылу врага заговор против него, с тем чтоб похитить государственные деньги. Спас только случай: один из бойцов успел пристрелить сержанта — зачинщика заговора.

— Самосуд?!— насторожился Качалов.

— Что-то вроде этого! Но другого выхода не было.

— Передайте трубку генералу Егорову,— приказал Рукатову Владимир Яковлевич.

— Все-таки примите сами вместе с финансистами деньги у Рукатова и отправьте их в штаб фронта. Рукатова же и его группу препоручите нашей прокуратуре. Пусть внимательно разберутся. Они там учинили самосуд: расстреляли сержанта. Кому-то показалось или в самом деле так было, что сержант целился из автомата в Рукатова... Эдак можно пристрелить кого угодно: померещилось, мол, что целится не в немца, а в командира, вот я его и шлепнул... Надо снять дознание, и чтоб все было оформлено по строгим законам военного времени. Виновным — кара, безвинным — похвала, а то и награда.

Верные и мудрые слова... Только не предчувствовал генерал Качалов, что судьба, ослепленная войной, сбитая с толку кровавой суматохой, не пощадит и его самого, не призовет в свидетели правду и справедливость и позволит свершиться более страшному, чем сама смерть. Но это еще впереди; события вызревали грозно и неотвратимо.

Продолжение следует.

По закону доброты

Наше государство всегда заботилось о детях в самые трудные годы, в пору самых трагических испытаний первый кусок хлеба, первая искра тепла отдавались им, особенно тем, кто лишился родителей. И вот этот нравственный закон обрел статус закона государственного — принято постановление Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР, посвященное детям — сиротам и детям, «оставшимся без попечения родителей», — акт высочайшего гуманизма. Постановление это затрагивает всех нас: и тех, у кого есть дети, и тех, у кого их нет, и тех — к сожалению, у нас их немало,— по чьей вине или беде появляются дети, оставшиеся сиротами при живых родителях.

Нет одиночества более горького, чем одиночество ребенка. Об этом фильм Альберта Лиханова «Благие намерения» (режиссер А. Бенкендорф). Он захватывает сердце с первых же кадров, когда директор дома ребенка, старая, мудрая Наталия Ивановна привозит своих семилеток в школу-интернат, передает их в «чужие» руки. В самом облике героини народной артистки РСФСР Варвары Сошальской, кажется, прочитывается вся ее жизнь: невозвратимые утраты родных, наверное, мужа, быть может, сына, и полная самоотдача этим несмышленышам, для которых она и мать, и бабушка, и подруга, и образец для подражания.

Но главное... О главном она лучше всего говорит сама юной воспитательнице:

— Люби их, если можешь, растворись в них. А не можешь, уйди.

В фильме нет ходульно-отрицательных учителей и воспитателей, которые последнее время кочуют из картины в картину. Здесь мы видим живых людей, очень разных по характеру и взглядам, не гарантированных от сомнений и ошибок. Но у них есть общее, что их объединяет,— они любят свое нелегкое дело, своих трудных учеников, и человек, случайный в педагогике, равнодушный, в этой обстановке просто и сам не задержался бы.

...Нелегко приходится молодому преподавателю литературы Надежде Георгиевне, которую назначили воспитательницей первого класса: ей приходится не только уроки учить со своими питомцами, но и купать их, причесывать, спать укладывать, а потом с пьяной непутевой мамашей разговор вести,— какой уж там нормированный день!

Воспитатель в детском доме — это «носитель истины, доброты, справедливости. Он скромной жизнью своей отвергатель людской злобности, утешитель, лекарь духовный, исповедник, душа которого и днем, и ночью, и при всех его собственных неустройствах открыта горячему откровению ребенка, потому как у него, откровения, нет и быть не может строго выверенного часа» — так пишет А. Лиханов.

Главное из того, что сказал автор о воспитателе, сумела воплотить на экране молодая актриса Марина Яковлева, исполняющая роль Надежды. Сколько в ней душевной щедрости, не житейской (не накоплена еще), а какой-то инстинктивной мудрости, естественности, открытости души!

Надя пишет в местную газету статью, в которой рассказывает о своих питомцах и предлагает желающим брать их в свою семью на воскресенье. Благой порыв захватил многих.

Подполковник в отставке Парамонов (Н. Шутько) уже вырастил приемного сына, дал ему образование. Но у четы Парамоновых, довольно пожилых людей, жива потребность новой заботы о том, кто остро в ней нуждается. Им доверят мальчугана, и скоро тот из гостя в семье станет вторым сыном.

А вот перед нами Запорожцы — красивая элегантная пара (Л. Сосюра и В. Воронин). Когда рыженькая Аллочка появляется после первого выходного, проведенного у супругов, в нарядной шубе, с игрушками и сообщает, что папа Слава ее удочерит, мы готовы поверить в ее счастье... Тем горше финал. В одно из воскресений за ней никто не приезжает. Не дождавшись, не вняв утешениям воспитательницы, она бежит по ночному зимнему городу к «папе». У Запорожцев ничего не случилось: все благополучно. Просто они передумали...

Этот фильм — о милосердии, которого порой так не хватает нам, взрослым, в комфортабельном XX веке. Это страстный протест против сытости, потребительства, душевной скудости. И вместе с тем о вере во все лучшее, что есть в человеке.

И. ПИРОГОВА

Кадр из фильма.

Повар Гиви Арладзе — специалист по слоеным хачапури.

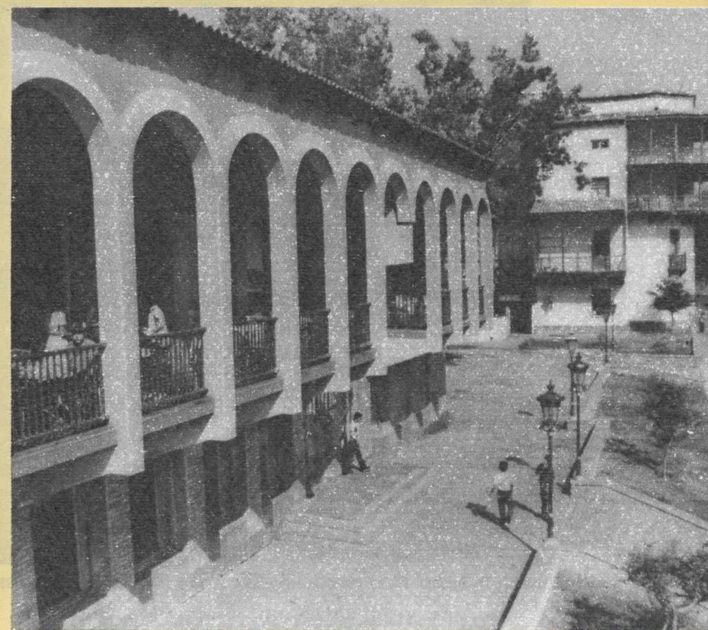
Объединение «Тбилфруктвод» имеет два завода, где изготовляют сиропы, и два фирменных магазина, где вместе с водой подают три вида хачапури. Это одно из блюд, которые прославили грузинскую кухню. Как-то само собой произошло, что хачапури и воды слились в представлении тбилисцев в единое блюдо. Одно без другого не мыслится. К тому же это недорого. Вот почему «Тбилисские воды» с удовольствием посещаются молодежью. Здесь можно поесть быстро, но можно и посидеть с друзьями, не слишком опустошая карманы.

В книге отзывов магазина, расположенного на набережной Куры, восторженные записи. «Спасибо за хачапури! Только добрые руки могут печь такой вкусный хлеб!» — так написали финские туристы.

...В старинном рекламном объявлении эта тбилисская вода расхваливала себя так: «Я конкурент вина, пива и даже простой воды! Но нехорошо хвалить себя. Лучше приходите и попробуйте сами».

Совет хорош, но даже в наше время не каждый решится слетать в Тбилиси только затем, чтобы перекусить «У Логидзе». Как бы пришелся «ко двору» любому нашему городу и рабочему поселку небольшой ресторанчик, в котором было бы то или иное блюдо — находка и гордость здешних кулинаров; и какой-то местный напиток, не дурманящая «бормотуха», а сок, да такой, что в другом месте не сыскать подобного...

Магазин «Тбилисские воды».

норма жизни — трезвость

КОНКУРЕНТ ВИНА И ПИВА

Георгий РОЗОВ, фото автора

Запомните пароль — Логидзе. Любой тбилисец, услышав его, покажет вам дорогу к одному из магазинчиков «Тбилисские воды», которые торгуют фруктовыми водами и хачапури. Вам подадут здесь холодную газировку с удивительными на вкус сиропами, придуманными, как говорят, в начале века учеником кутаисского аптекаря Митрофаном Логидзе. В 1900 году он принял аптеку у своего учителя, а через шесть лет его воды пользовались в городе такой популярностью, что пришлось открыть завод по их выпуску. Здесь делали сиропы — малиновый, клубничный, лимонный, апельсиновый, сливочный, шоколадный, сливочно-шоколадный, тархун, виноградный... Список можно бы и продолжить, но лучше изучить его на месте. Ассортимент с тех пор только пополнялся.

В зале магазина «Тбилисские воды».

Александр Твардовский. 1943 год. Публикуется впервые.

С Александром Трифоновичем Твардовским мы встретились в редакции газеты Западного фронта «Красноармейская правда». Твардовский работал там военным писателем, так называлась его должность, я — военным фотокорреспондентом. В этой газете и появились первые главы его знаменитого «Василия Теркина». Познакомились мы во время боев в Подмосковье и прошли вместе всю войну.

В моем архиве сохранилось несколько неопубликованных фотографий поэта, сниматься он, правда, не очень любил, но я не мог не снимать автора легендарного «Теркина», благодаря которому наша газета была такой популярной среди бойцов.

Я запомнил его скромным, смелым, общительным и очень веселым человеком. А однажды он шутя сказал мне: «Снимай, больше снимай меня, Миша, после войны я стану знаменитым». Но знаменитым был он уже и тогда, «Теркиным» зачитывались буквально все. Мне кажется, что в Теркине много от души самого Твардовского, красивой, светлой, истинно русской души.

Михаил САВИН

В освобожденном Витебске (Твардовский — справа). Публикуется впервые.

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

ТВА

Многие русские писатели любили и умели писать письма. Не случайно бытует даже термин «эпистолярная проза», а еще лучше — «почтовая проза». Письма Гоголя, Толстого, Чехова, Тютчева составляют тома и открывают немало существенно важного в судьбах их авторов. Проблемы философские и этические; актуальные вопросы общественной жизни и литературной борьбы; история произведений; неоценимые биографические сведения; штрихи, без которых порой невозможно даже приблизиться к пониманию личности художника и его творчества,— все это часто раскрывается при внимательном чтении писательской переписки. С течением времени письма становятся фактом культуры, они как бы переживают второе рождение, находят новых адресатов — читателей, когда, прокомментированные, снабженные научным аппаратом, издаются в периодике, включаются в собрание сочинений, составляют книги, которые читаются с захватывающим интересом. Нельзя не разделить точку зрения Пушкина, заметившего по поводу издания переписки Вольтера с де Броссом, что «всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа. Нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначащие слова, тем же самым почерком и, может быть, тем же самым пером написала и великие творения, предмет наших изучений и восторгов». Но «музейный» интерес к письмам далеко не исчерпывает их значения. И Пушкин блестяще доказывает это, анализируя переписку Вольтера и де Бросса, письма которого из Италии поэт считает и лучшими из произведений этого замечательнейшего из писателей прошедшего столетия.

Увы, в наши дни традиция эпистолярного жанра, кажется, изживает себя. Убыстрившийся бег времени, все возрастающий объем информации, обрушившийся на человека второй половины XX века, появление всевозможных общедоступных технических средств привели к тому, что не только письма, те пространные, подробные, со множеством деталей и рассуждений послания, которые были характерны, например, для XIX века, становятся исключительной редкостью, но и целые романы создаются теперь с помощью диктофона, и, как остроумно заметил один критик, «читая такой роман, я слышу не благородный скрип пера, а отталкивающее шуршание магнитофонной ленты».

Неожиданным и поучительным стал шестой, заключительный том собрания сочинений А. Т. Твардовского (издательство «Художественная литература». Составление, примечания М. И. Твардовской. Под общей редакцией Ю. Г. Буртина), где тщательно собрана и внимательно прокомментирована часть эпистолярного наследия поэта. В последнее время и в периодике появляются публикации писем Твардовского, дополняющие включенные в собрание сочинений новыми интересными материалами.

Не все письма великого советского поэта пока изданы, но и те, что стали доступны читателям, открывают многое в характере Твардовского, помогают уяснить эволюцию его отношения к жизни и литературе, оригинальность, точность и принципиальность оценок и характеристик. Сам Твардовский в молодости сетовал: «...Я не умею писать мало-мальски длинных писем. Очень люблю получать таковые, но писать не могу. Видимо, дух времени. Раньше литераторы оставляли по себе огромнейшее эпистолярное наследство, письма писали с копиями, писали их, как произведения, формулировали в них сложнейшие и серьезнейшие мысли, давали бытовые картинки, зарисовки, характеристики и т. д. А теперь писатели, умирая, будут оставлять по себе стенограммы речей, ответы на анкеты и разве еще — авансовые расписки». Действительно, длинных, многостраничных посланий почти не встретишь

К 75-летию со дня рождения А. Т. ТВАРДОВСКОГО

ПИСЬМА
[ТВА]РДОВСКОГО

среди его писем, для Твардовского характерны лапидарность, емкость и сжатость стиля, часто суховатая деловитость, за которой всегда скрывается серьезная, обычно глубоко продуманная мысль. Постоянно бережный к слову, чурающийся легковесности в литературе, Твардовский и в письмах крайне сдержан, для него органична ценность слова в любом его проявлении, он постоянно следует своему кредо, выраженному в программном стихотворении «Слово о словах»:

И я, чей хлеб насущный — слово,
Основа всех моих основ,
Я за такой устав суровый,
Чтоб ограничить трату слов;
Чтоб сердце кровью их питало,
Чтоб разум их живой смыкал...

Одна из интереснейших частей эпистолярного наследия Твардовского — его письма молодым литераторам, начинающим поэтам и писателям. Поразительно, сколько их довелось ему написать, как требователен, последователен и внимателен был он в своем диалоге с начинающими. Нельзя не согласиться с автором послесловия к тому писем поэта, что «внимание его к опытам начинающих и количество писем (их тысячи) питаются от тех же корней демократизма и народности, как и его литературно-эстетические взгляды».

Но, видимо, играла роль в этом внимании и та традиция русской литературы, которую должен был кровно ощущать Твардовский. Помощь совершающим первые шаги, «учительство» всегда свойственны были большим русским поэтам самых разных направлений и поколений. Письма, например, Брюсова и Блока показывают, как много сил и времени отдазали они молодым.

Если мы вспомним ответы Блока молодым стихотворцам, документы необычайной искренности, правдивости, проникнутые идеями борьбы за истинное искусство, несовместимое со всякого рода красивостями и дешевыми ухищрениями, и сопоставим их с письмами Твардовского, то невольно поразимся духовному родству двух, на первый взгляд, столь разных художников, равно видевших главное предназначение поэзии в обращении ее к жизни, человеку. Блок однажды сказал со свойственной ему афористичностью: «Искусство, как и жизнь, слабым не по плечу». И судил о стихах предельно строго, не делая никаких скидок, был непримирим, встречаясь с дурным вкусом, пошлостью, неоправданными претензиями. Он учил литературную молодежь, как верно заметил один из исследователей, не столько тайнам поэзии, сколько чувству ответственности за слово, отвращению к эстетической лжи и умению мужественно глядеть в лицо жизни, как бы сложна и трудна она ни была.

Такие же требования предъявлял к стихам и Твардовский. Не правда ли, знаменательная и о многом говорящая перекличка «отцов и детей»?

А. Твардовский был всегда абсолютно честен в оценках и не смягчал неприятной правды. Эта суровая жесткость, быть может, и ранила на первых порах, но приносила во сто крат большую пользу, чем встречающиеся часто рассуждения «маститых» вокруг и около присылаемых им стихов, опасающихся обидеть молодых авторов. «Мне очень жаль,— писал, например, Твардовский В. И. Лютову,— но я могу только подтвердить мой прежний отзыв о Ваших стихах. Вы напрасно думаете, что я «не способен быть таким сухим и равнодушным к любым стихам, какими бы недостатками они ни изобиловали». К плохим стихам я не только могу быть равнодушным, но и просто нетерпимым, потому что, на мой взгляд, плохие стихи — это то же, что плохие, скверно сшитые сапоги, плохо выпеченный хлеб, тупой нож и т. п.— с той еще разницей, что шить сапоги, выпекать хлеб и т. д. можно научить любого, а писать хорошие стихи научить нельзя,— этому можно только научиться.

Вы негодуете на редакции, присылающие Вам отрицательные ответы и не дающие, мол, конкретного совета, как дальше работать над стихами и совершенствовать их. Но, дорогой тов. Лютов, в этом лишь сказывается наивность Ваших представлений об этом трудном деле. Не письма из редакций, не консультанты и даже не «знаменитые мастера» учат мастерству в поэзии, а великое множество книг, долгие годы труда — и то при наличии особых данных от природы <...>

Писать стихи — занятие не возбранное никому, но немедленно связывать с этим занятием надежды и претензии на печатание, на заработок, на известность — дело опасное, способное принести большие огорчения, разочарования и даже озлобление... Литература — дело непростое».

Многое объединяет послания Твардовского начинающим поэтам — и главное, мысль об ответственности литератора за свое дело и утверждение самостоятельности, самобытности художника.

Одно из основных требований Твардовского к молодым—идти в поэзию «от жизни». Эта принципиальная установка Твардовского — редактора, учителя поэтов зиждется, конечно, на традиции русской реалистической литературы, крупнейшим представителем которой в советской поэзии был он сам. «Объективную тему» он предпочитает лирическому самовыражению, теме личной, если только она не вырастает в стихах до масштабов общечеловеческих. Так как проявилась эта тема в поздних стихах самого Твардовского:

На дне моей жизни,
    на самом донышке
Захочется мне
    посидеть на солнышке,
На теплом пенушке.
И чтобы листва
    красовалась палая
В наклонных лучах
    недалекого вечера.
И пусть оно так,
    что морока немалая —
Твой век целиком,
    да об этом уж нечего.
Я думу свою
    без помехи подслушаю,
Черту подведу
    стариковскою палочкой:
Нет, все-таки нет,
    ничего, что по случаю
Я здесь побывал
    и отметился галочкой.

Но даже когда поэт находил в присылаемых ему стихах достаточно сильное выражение «личной темы», он продолжал настаивать, что не она является объективным критерием творческих возможностей автора. С этим убеждением Твардовского можно и не соглашаться, но он последовательно придерживался его в письмах, противопоставляя, например, «хорошие и, увы, плохие стихи (для Вас есть Тютчев, но есть и Бальмонт)», считая, что даже исключительная судьба, как очень точно определено в послесловии к тому его писем, «должна найти себя именно в выходе за рамки своей исключительности». Эта мысль отчетливо прозвучала в его письме Н. П. Яночкиной: «Но главное, что мне хотелось бы сказать Вам, это то, что я искренне рад за Вас, за Вашу настоящую победу над судьбой и обретение, в сущности, новой судьбы. То, что по состоянию здоровья прервалось Ваше школьное обучение на седьмом классе, обернулось такой интенсивной школой самообразования, которая просто вызывает восхищение. Вы овладели культурой письменной речи, чувством стиха, как я понял, знаете немецкий, весьма начитанны в поэзии... Я не буду подвергать Ваши стихи сколько-нибудь подробному анализу... Отмечу лишь, что лучшими из них представляются «Благодарность», «Я пойду за тобой повсюду» и особенно «Раздумье», в котором личная тема выражена с большим достоинством, тактом и подлинным, не заемным из литературы чувством. И Вы правы в том, что этой личной теме дали прозвучать однажды и не повторяете всякий раз как единственно занимающую Вас тему. Этим Вы, естественно сузили бы диапазон своих поисков».

В суровости, даже «жестокости» оценок Твардовского, в обнаженной правдивости его писем звучит та «бесстрашная искренность», которая лишь одна и может присутствовать в разговоре о настоящей литературе. Он постоянно, не уставая, требует от авторов присылаемых произведений жизненности, конкретности, современности, обрушивается на литературщину, безвкусицу, борется с книжностью, вторичностью стихов. «...Я проявил бы неуважение к Вам,— пишет он одному из корреспондентов,— покривил душой, говоря о Ваших стихах, если бы начал бы Вам советовать расширить свой тематический круг, поближе встать к современности и т. д. и т. п. Нет, я Вам этого говорить не буду, ибо понимаю, что все это были бы пустые слова в данном случае. Вы всей своей душой, мироощущением, навыком чтения, так сказать, потребления поэзии принадлежите ее минувшему дню. Источник Ваших стихов не жизнь грубая, трудная, сложная и прекрасная сама по себе, не ленинградская блокада, которой в книге посвящено два весьма посредственных стихотворения, даже не Ваша «фатальная», «тютчевская» любовь, нет,— хорошие книги вроде «Дон-Кихота»... Ваши стихи —отражение с отражения. Мне странно и даже как-то неловко читать стихи, датированные днями ленинградской блокады и посвященные всему чему угодно, но не этим дням... Ваша поэзия — Ваше частное дело,— вот в чем беда, с точки зрения возможности опубликования Вашей книги».

Общественное предназначение поэзии и общечеловеческую миссию художника Твардовский осознавал обостренно и отстаивал яростно. И он был нетерпим, когда встречался с литературной халтурой, которую тот или иной автор считал общественно значимой, актуальной по теме и потому достойной внимания и печати. Как главный редактор «Нового мира» Твардовский безжалостно отклонял подобные опусы. «Вы просите «довести до ума» Ваше стихотворение «Ветер с юга», предполагая, что из него «могло бы получиться нечто вроде послереволюционного «Буревестника»,— отвечал Твардовский А. И. Шейко.— Далее Вы, великодушно уступая авторство этого предполагаемого Вами «гимна Революции», говорите, что «задача довести до ума» это стихотворение становится «общественным делом». Простите меня, но все это очень наивно и нескромно. С «Буревестником» Горького Ваше стихотворение имеет лишь то общее, что оно попросту подражает ему ритмически, а в целом представляет собою набор беспредметно восторженных слов, не имеющих ровно никакой литературной ценности».

Конечно, не только воинствующая, безапелляционная, наглая графомания была в почте Твардовского. Но ко всем стихам он подходил с меркой «необходимости и незаменимости высказывания именно в этой странной и даже противоестественной (по Л. Толстому) речевой форме, которые отличают подлинную поэзию от ее подобий».

У самого Твардовского, прямого наследника некрасовской традиции, были высокие ориентиры в поэзии, и именно равняться по ним призывал он своих корреспондентов, предостерегая молодых поэтов от сиюминутного увлечения шумной славой современников. То не была пренебрежительность «мэтра», свысока оглядывающегося вокруг, а мудрая опытность мастера, отлично сознающего подлинное, вечное значение классики. «Еще я хочу Вам сказать, что поэтическая Ваша школа, помоему, пока что не включила глубоко в свой

курс никого, помимо любимых современников,— обращается Твардовский к одному автору, которого считал «не случайным в поэзии».— Этого мало. Вы плачете от зависти над стихами Светлова, но это не столь уж высокий уровень требований к себе. Научитесь плакать над Пушкиным, Некрасовым, над большой поэзией, озаряющей своим светом века. Покамест для Вас «старики» будут казаться чем-то уже известным Вам, архаическим, хрестоматийным, покамест Вам будет представляться таинственность «мастерства» современников, перекрывающей их,— «стариков», Вы не сможете пахать на большой глубине — это будет мелкая вспашка».

Письма открывают нам Твардовского не только прекрасно знающим классическую русскую поэзию и сознающего ее значение для развития литературы, но и последовательно отстаивающим и поддерживающим необходимость публикации произведений поэтов XX века по тем или иным причинам забытых, давно не печатавшихся. При этом Твардовский проявлял высокую объективность. Известно, что вершинами поэзии XX века он считал творчество Блока и Маяковского, а к стихам Мандельштама, например, относился достаточно критично, считая поэзию его — образцом крайней «камерности». Но она, признавал Твардовский, «остается и образцом высокой культуры русского стиха XX века, благородной отточенности формы, и несет в себе неотъемлемое индивидуальное содержание, пусть обуженное, пусть не столь богатое. Словом, она была и есть, ее обходить нельзя...». И в том, что теперь широко издаются и известны не только специалистам стихи многих поэтов начала XX века, например, Цветаевой, Мандельштама, Пастернака, есть немалая заслуга и Твардовского, который настойчиво поддерживал идею издания их произведений и всемерно помогал претворению этой идеи в жизнь.

Действительно, как говорил в свое время Блок, поэт не есть величина неизменная. И понять закономерности развития художника, его путь можно, лишь установив его связь с предшественниками. Письма Твардовского дают для этого богатый материал, например, письмо профессору В. Е. Евгеньеву-Максимову от 18 мая 1939 года, в котором молодой Твардовский пишет в основном о Некрасове: «Некрасова я узнал и полюбил на всю жизнь с детства. Отец мой был человек не только грамотный, но и довольно начитанный, по-деревенски. Году в 20-м он купил на базаре первый том Некрасова (не знаю, какого издания — с портретом в шубе и шапке-боярке). Эта книга у нас в семье была вроде Библии. По вечерам отец раскрывал ее торжественно и начинал читать «с выражением», а мы все — ребята, мать, а то кто-нибудь из соседей — слушали. Очень многие стихотворения мы пели по книге, например, «Коробейников» целиком. Но в этом томе не было «Кому на Руси», эту поэму я прочел спустя много лет, хотя слышал о ней также с детства... И ни чем в поэзии я уже не был захвачен с такой силой. Не говорю о Пушкине, которого также с детства знал и любил; но Некрасов мне был как-то лично близок... Теперь — что касается влияния Некрасова на меня как поэта. Здесь, поскольку меня самого об этом спрашивают, я хотел бы сказать, что влияние это (бесспорное и огромное) не нужно понимать в слишком прямом смысле, то есть так, как будто для меня не существовало поэзии посленекрасовской, поэзии двадцатого века, Маяковского, а также поэзии западной, с которой, правда, я знаком лишь по переводам. Отдельно я указал бы еще на И. А. Бунина». Последняя фраза очень интересна. Теперь нам известно, что и скептический Бунин, не зная лично Твардовского, чрезвычайно высоко оценил «Василия Теркина». «Я только что прочитал книгу Твардовского,— писал Бунин из Парижа Телешову,— и не могу удержаться — прошу тебя, если ты знаком и встречаешься с ним, передай ему, при случае, что я (читатель, как ты знаешь, придирчивый, требовательный) совершенно восхищен его талантом,— это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаль, какая меткость, точность во всем и какой необыкновенный народный, солдатский язык — ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературного пошлого слова!» Твардовский позже написал большую принципиальную статью-исследование о Бунине, открывающую девятитомное собрание сочинений писателя.

Внимательно относясь к документу, факту, воспоминаниям, о чем свидетельствуют и его собственные литературные статьи, и особенно большое количество историко-литературных публикаций в «Новом мире», когда редактором журнала был Твардовский, он был совершенно нетерпим к беллетризованным биографиям великих людей.

«...Я органически не переношу «биографический жанр». Мне всегда казалось странным и совершенно непродуктивным что-либо беллетристическое о Толстом, Достоевском, Пушкине, Лермонтове. Они себя написали так, как никогда никому уже не написать, а главное, не нужно». Та же тема звучит в письме В. А. Волошину: «...Дело в том, что писать рассказы из жизни великих писателей (это я не первому Вам говорю и повторяю) — занятие безнадежно пустое, ненужное. Великие писатели, в их числе А. П. Чехов, описали себя, свою эпоху и свою среду с несравненно большим знанием предмета, чем кто бы то ни было другой после них, не говоря уже о таланте... По самому Чехову, документам и свидетельствам современников я, читатель, знаю гораздо больше того, что Вы мне сообщаете в своих рассказах о писателе». И далее Твардовский советует автору написать что-то не из жизни знаменитого писателя, а просто «из жизни». Вот именно в этом «из жизни» и скрыт ключ к эстетической концепции Твардовского, взгляды которого, безусловно, эволюционировали, но основная позиция оставалась неизменной. Он считал, что художественное произведение должно соприкасаться с подлинной жизнью, смыкаться с ней, видел в современности лучший материал для художественного творчества. И если произведение, по мнению Твардовского, «уводит от нее, от скучной и обыденной жизни в область занятно-го, сладостно-страшного, взятого издалека, без непосредственного риска для читателя самому соприкоснуться с испытаниями», он безоговорочно и категорически не принимал его.

Требовательность Твардовского равно распространялась и на молодых и на уже известных писателей. Достаточно прочесть его письма К. Г. Паустовскому, И. Г. Эренбургу, Мухтару Ауэзову, В. Ф. Пановой, чтобы убедиться в принципиальности его оценок. Он последователен и доказателен в утверждении своей точки зрения, и ни дружба, ни землячество, ни высокое звание автора не могли заставить Твардовского принять произведение, которое он считал художественно слабым, недоработанным, неточным. А литературный вкус у Твардовского был строг. «Внесенные Вами исправления,— пишет он Паустовскому по поводу автобиографической повести «Время больших ожиданий»,— нимало не меняют общего духа, настроения и смысла вещи. По-прежнему в ней нет мотивов труда, борьбы и политики, по-прежнему в ней есть поэтическое одиночество, море и всяческие красоты природы, самоценность искусства, понимаемого очень, на наш взгляд, ограниченно, последние могикане старой и разные щелкоперы новой прессы, Одесса, взятая с анекдотически-экзотической стороны... И, главное, во всем — так сказать, пафос безответственного, в сущности, глубоко эгоистического «существовательства», обывательской, простите, гордыни, коей плевать на «мировую историю» с высоты своего созерцательского, «надзвездного» единения с вечностью». Таким образом, Константин Георгиевич, эта «доработка» не позволяет нам считать рукопись пригодной для опубликования в журнале... который, смеем думать, никак не менее других журналов способен понять спефицику художественного изъяснения, индивидуальную особенность письма и т. п.». В столь высокой требовательности Твардовский-редактор, видимо, сознательно следовал самым высоким образцам отечественной литературной журналистики, отчетливо сознавая, что лишь при таком отношении может поддерживаться общий высокий уровень литературы.

Опубликованная переписка дает нам возможность не только лучше понять художественные взгляды Твардовского, его эстетическую концепцию, но, и это, видимо, самое главное, лучше узнать самого поэта, что, конечно, необходимо для более глубокого восприятия его творчества. Пожалуй, одно из самых примечательных (и пространных!) писем, включенных в шестой том собрания сочинений,— письмо Федору Абрамову по поводу только что прочитанной Твардовским рукописи романа «Две зимы и три лета». Твардовский первым дает точную, выверенную оценку роману Абрамова, не только искренне радуясь успеху собрата по перу, но и проницательно замечая, что эта книга — явление в литературе о деревне. Сейчас мы можем судить о провидческой глубине такого суждения Твардовского. И при том отметить высокий уровень его претензий к автору, конкретность и продуманность замечаний особенно по поводу «языковых сорняков», которыми, как заметил Твардовский, «пестрела вещь». «Имейте в виду,— писал он Ф. Абрамову,— что я такой враг подобной языковой неразборчивости, что Вашей вещи нужно было иметь действительно замечательные достоинства, чтобы эти «речения» не отвратили меня от нее». Ф. А. Абрамов еще год работал над рукописью, которая затем была напечатана в «Новом мире» и стала одним из значительнейших произведений послевоенной советской литературы. Эту судьбу романа провидел Твардовский. «Вы написали книгу,— писал он Абрамову,— какой еще не было в нашей литературе, обращавшейся к материалу колхозной деревни военных и послевоенных лет. Впрочем, содержание ее шире этих рамок,— эти годы лишь обнажили и довели до крайности все те, скажем так, несовершенства колхозного хозяйствования, которые были в нем и до войны и по сей день не полностью изжиты. Книга полна горчайшего недоумения, огненной боли за людей деревни и глубокой любви к ним, без которой, вообще говоря, незачем браться за перо». Можно сказать, что именно здесь концентрированно выражено общее отношение Твардовского к делу его жизни — боль за людей и любовь к ним. Вот основа истинной литературы, которой так честно и талантливо он служил.

В этой статье о «почтовой прозе» Твардовского мы не имели возможности затронуть крупные циклы его писем друзьям — М. В. Исаковскому, С. Я. Маршаку, И. С. Соколову-Микитову, В. В. Овечкину. Переписка с ними длилась долгие годы и содержит интереснейшие мысли, сведения, наблюдения. Духовная напряженность и глубокая насыщенность писем Твардовского разным корреспондентам, безусловно, помогают выстроить стройную систему художественных и общественных взглядов поэта, а также выразительно подтверждают полностью приложимую к Твардовскому пушкинскую мысль, что «независимость и самоуважение одни могут нас возвысить над мелочами жизни и над бурями судьбы».

Шагает по стране долгожданный гость — лето. Прекрасная пора!

Окончена рабочая неделя, и днепропетровцы, а вместе с ними и металлурги соседнего Днепродзержинска, устремляются за город, поближе к воде. Они убеждены: нет реки лучше привольного Днепра.

Сколько радостей дарит река! На утренней зорьке самому заядлому рыболову, вставшему задолго до рассвета, напливет на крючок зазевавшийся подлещик, а если потрафит и... богатырский сазан. Удят семьями — отцы с сыновьями, деды с внуками. Не беда, если не клюет. За завтраком на траве можно и без ухи обойтись, аппетит все равно удивительный!

Но вот прогрелся воздух, и уже дух захватывает от стремительного полета по серебристой глади на водных лыжах. Неспешно, туда-сюда прогуливаются, словно парят, яхты. Ожили пляжи, многие стремятся на пляж на острове Комсомольский, куда ведет канатная дорога. Расщедрилось солнце, трудится без устали: загорайте, добрые люди.

Как ни долог субботний летний день, но и он подходит к концу. Хорошо в эти часы посидеть в кругу друзей за чаем, поговорить, поделиться житейским. А у молодежи на туристском привале явилась вдруг гитара, и полилась над водой песня...

Засыпает Днепр. Спят дачные поселки, профилактории, турбазы и дома отдыха. Десятки тысяч жителей города отдыхают в них по профсоюзным двухдневным путевкам, набираются сил и здоровья. За всем этим — большая забота руководителей города металлургов и машиностроителей, профсоюзных комитетов заводов и фабрик о культурном, здоровом досуге днепропетровцев.

З. КРЯКВИНА
Фото А. Награльяна

К 60-летию со дня рождения Ю. Т. ГРИБОВА

КАК В ЖИЗНИ

Знаю я писателя Юрия Тарасовича Грибова давно. Его очерки на страницах центральных газет и журналов всегда отличаются лиричностью и острой проблемностью. И это неудивительно, потому что в своих художественно-документальных новеллах Юрий Грибов поднимает всегда жгучие, наболевшие, близкие и понятные каждому вопросы сегодняшнего дня. Очерки его, как правило, коротки по размеру, написаны пластично, «вкусно», похожи они на рассказы, читаются легко, в душу западают надолго...

Он из тех писателей, которые несут двойную ношу. Работал в центральных газетах, был главным редактором «Литературной России», а ныне возглавляет популярную известинскую «Неделю». Юрий Грибов — автор многих книг, рассказов, очерков, повестей. Есть у него и детские книги.

Сейчас Юрий Тарасович работает над новой повестью.

— Повесть о сельской молодежи начата у меня еще лет шесть назад,— говорит писатель,— теперь хочется «поглубже проработать образы». Времени у меня для литературного труда мало, приходится учитывать каждый час. А тут еще очерковая работа для газет, журналов, радио и телевидения. Я люблю это дело. Хоть и много отнимает оно у меня сил, но люблю. Работа очеркиста и публициста полезна любому писателю. Она молодит, все знаешь и видишь сам, на месте, среди людей, среди повседневных забот...

— Неужели каждая командировка и обязательно открытие?

— Ну почему открытие? Хотя встреча с новым интересным человеком, пожалуй, и впрямь открытие для очеркиста. А больше — радость. Обогащаешься от таких встреч...

И первое, что делает Юрий Тарасович, приезжая в деревню, это идет не в контору, не к руководству, а к ветерану труда, к старожилам села.

— Люблю слушать разговоры стариков, беседовать с ними. И как-то само получается, что смотришь на жизнь и проблемы хозяйства глазами его коренных жителей, лучше понимаешь их гордость за свой край, их боль и обиду за нерадивое отношение к земле, к труду хлебороба...

Говорят, что есть у Грибова чутье на людей, на тему, чутье, которое состоит из таких слагаемых, как глубокое знание деревенской жизни (ведь и сам он родом из «обыкновенного среднего села Бугры Горьковской области, каких в России тысячи») плюс серьезное изучение проблем современного сельского хозяйства и, конечно, искренняя любовь и уважение к деревенскому жителю, к нелегкому крестьянскому труду. Оттого в книгах Грибова жизнь деревни воспроизводится с этнографической точностью, характер и психология крестьянина показываются через его отношение к родной земле, ко всему, что дарит она человеку, а деятельность руководителей колхозов, партийных работников в районе и области оценивается Грибовым с высоких нравственных позиций писателя-коммуниста.

Постоянная работа публициста заставляет держаться как струна — ослабнуть нельзя, так же как солдату в строю нельзя сбиться с шага,— убежден Юрий Тарасович. А уж ему-то, участвовавшему в форсировании Одера и взятии Берлина, хорошо известна солдатская служба. На фронт Грибов ушел добровольцем, окончил Энгельсское пулеметное училище. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями «За боевые заслуги» и «За взятие Берлина». А в мае 1945 года под Берлином командиру пулеметной роты, девятнадцатилетнему Юрию Грибову был вручен билет члена Коммунистической партии Советского Союза. И потому особенно дороги сегодня офицеру запаса Грибову майские публикации рассказа «Поляница для маршала» в польском журнале и глава его новой военной повести «Кинжальный огонь» в немецком еженедельнике.

Поздравляя писателя, на страницах «Огонька», хочется напомнить читателям, что вот уже 25 лет он является постоянным автором журнала и не раз его произведения отмечались премиями как лучшие материалы года.

Марина СЕРГЕЕВА

ПЕНЗА ВСТРЕЧАЕТ ПИСАТЕЛЕЙ

«Пенза — моя вдохновительница»,— писал влюбленный в Пензу Денис Давыдов. Литературные традиции пензенского края, с которыми были связаны Лермонтов и Радищев, Белинский и Куприн, Крылов, Загоскин, Блок, Языков и другие писатели, не угасли в наши дни.

Символично, что именно на пензенской земле проходит каждый год День поэзии, посвященный М. Ю. Лермонтову. Только что состоялся пятнадцатый форум. В зеленом амфитеатре возле Тархан собрались, несмотря на ненастье, тысячи истинных почитателей отечественной литературы. Событием, осветившим XV лермонтовский день поэзии, стало открытие нового памятника Михаилу Лермонтову. Его автор — народный художник РСФСР Олег Комов. Любопытно, что в Тарханах хранится альбом из его архива, где рукой великого поэта изображена Маша Ловейко — прапрабабушка скульптора.

В этом году поэтический праздник совпал с проходившими на пензенской земле Днями российской литературы. Жители Пензы и области встретились на них с крупнейшими писателями России.

— Раньше я никогда не бывал в Пензе,— рассказывал на встрече с тружениками совхоза «Большевик» Сердобского района секретарь правления Союза писателей СССР Е. И. Носов,— но в одном из моих рассказов, «Красное вино Победы», главный герой — ваш земляк. Пензенская земля — место не бойкое, но очень русское, она сильна своими традициями, бережным отношением к старине, у нее свой облик.

На вопрос, что дают писателю такие встречи, Е. И. Носов ответил:

М. Ю. Лермонтов. Скульптор О. Комов.

Во время поэтического праздника. Фото А. Карзанова

— В этих встречах я проверяю себя. Я вижу, какие проблемы остры и требуют нашего вмешательства. Вот мне представляется, что наше государство — огромный корабль. Мы все гребцы, и движение этого корабля зависит от наших общих усилий.

Но, думая о совершенствовании,— продолжал Евгений Иванович,— необходимо время от времени оглядываться назад и подводить итоги сделанному. Мы еще далеки от того, чтобы «провести бархоткой» по результатам нашей идеологической работы. Существуют пьянство, разболтанность, низкая дисциплина. И за то, что эти явления есть, несет ответственность и писатель.

В программе Дней российской литературы состоялось заседание секретариата правления Союза писателей РСФСР, которое открыл Герой Социалистического Труда С. В. Михалков. Тема заседания — «Совершенствование духовного мира человека эпохи развитого социализма — главная задача литературы».

— Для нас это не только праздник,— поделился своими впечатлениями о Днях российской литературы секретарь правления Московской организации Союза писателей В. М. Шугаев,— а серьезный разговор. Здесь мы получили возможность взглянуть друг другу в глаза, узнать, что мы друг о друге думаем. Все это дает нам реалистическое представление о современной российской литературе. Особенность дней состоит в том, что это первая крупная встреча писателей после апрельского Пленума ЦК КПСС. Мне кажется, что главной темой для нас сейчас должна стать тема гражданского мужества. Мы будем стремиться создавать новые произведения, которые бы формировали в душах людей чувства гражданственности, советского патриотизма.

Первый секретарь обкома КПСС Ф. М. Куликов от имени всех жителей области поблагодарил правление Союза писателей РСФСР, выбравшее местом творческой встречи старинную Пензу.

В. ПОТРЕСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Парижские находки

«АПОФЕОЗ ПРО

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения

I

С юных лет мы помним замечательную картину В. В. Верещагина «Апофеоз войны», исполненную им в 1871 году, то есть почти 115 лет назад. Знаем то, что на раме картины художник сделал надпись: «Посвящается всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим». Но у нас до сих пор остается неведомым, что, когда Франция уже объявила войну нацистской Германии и незадолго до того, как фашистские полчища уже завершали подготовку к занятию Парижа, именно там вышел номер еженедельника, в котором зеркальное воспроизведение «Апофеоза войны» было использовано для того, чтобы предсказать Гитлеру, каким бесславным концом завершится жизнь его самого, жизнь подлейшего завоевателя. Но, прежде чем рассказать об этом смелом и пророческом монтаже, фоном и отправным пунктом для которого послужила знаменитая картина Верещагина, напомню о том, что основной направленностью его творческого пути была активнейшая борьба с завоевательскими тенденциями, с пропагандой войны.

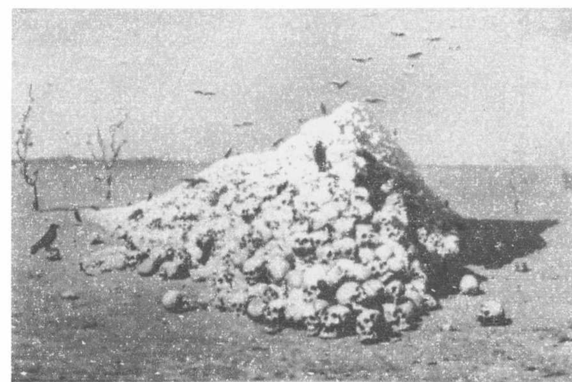
Именно В. В. Стасов, впервые увидев в 1873 году в Лондоне, на первой персональной выставке произведений В. В. Верещагина, устроенной в Западной Европе, фотографию картины «Апофеоз войны», нашел простые, но выразительные слова, чтобы ее охарактеризовать и сказать о ее значении: «Апофеоз войны» — это та картина, которая глубоко поразила и потрясла меня на Всемирной выставке, даже без красок, в простой серой фотографии. Но здесь дело не в том только, с каким именно мастерством Верещагин написал своими кистями сухую, пожженную степь и среди нее пирамиду черепов, с порхающими кругом воронами, отыскивающими еще уцелевший, может быть, кусочек мясца,— нет! тут явилось в картине нечто более драгоценное и более высокое, нежели необычайная верещагинская виртуозность красок: это — глубокое чувство историка и судьи человечества». Далее в той же статье «Василий Васильевич Верещагин», напечатанной в 1883 году в петербургском журнале «Вестник изящных искусств», в которой даны приведенные только что строки, В. В. Стасов писал, имея в виду отклики за рубежом и после 1873 года на неоднократно показанную там картину «Апофеоз войны»: «Везде в Европе она производила впечатление колоссальное, и сотни газет про нее писали».

Ни один из дореволюционных отечественных художников не сделал для борьбы с милитаризмом столько, сколько В. В. Верещагин (1842—1904). Вот его слова, сказанные в марте 1874 года в письме к В. В. Стасову: «Апофеоз войны» — столько же историческая картина, сколько сатира, сатира злая и нелицеприятная». А делясь сокровенными мыслями о своем творческом кредо с П. М. Третьяковым, Верещагин писал ему в мае 1879 года: «Передо мною, как перед художником, в о й н а, и е е я бью, сколько у меня есть сил; сильны ли, действительны ли мои удары, это другой вопрос, вопрос моего таланта, но я бью с размаху и без пощады». Некоторое время спустя, 17/29 апреля 1882 года, Верещагин с чувством душевной скорби обратился в письме к Стасову с такими словами: «Больше батальных картин писать не буду — баста! Я слишком принимаю близко к сердцу то, что пишу; выплакиваю (буквально) горе каждого раненого и убитого. К тому же не только в России, но и в Австрии и в Пруссии признали революционное направление моих военных сцен».

И действительно, известно, что прусский фельдмаршал граф Хельмут Карл Бернгард Мольтке, посетив персональную выставку картин Верещагина, устроенную в Берлине в 1882 году, запретил офицерам бывать на ней.

С такой же ненавистью, как к завоевателям, Верещагин относился к колонизаторам. Вот строки его письма к В. В. Стасову, отправленного 9/21 августа 1878 года из Парижа: «Помнится, Вы были в восторге, трижды подчеркнутом, когда я сообщил Вам замысел моих картин: история **заграбастания Индии англичанами.** Некоторые из этих сюжетов таковы, что проберут даже английскую шкуру» **(подчеркивание в цитируемых письмах рукой Верещагина).**

И до конца своих дней, живя мечтой «писать солнце», художник не переставал бороться с ужасами войны. Вот что он сказал в беседе с норвежским журналистом Х. Р. Крогом: «Я всю свою жизнь горячо любил солнце и хотел писать солнце; и после того, как пришлось изведать войну и сказать о ней свое слово, я обрадовался, что могу посвятить себя солнцу, но я был еще молод тогда... Теперь и борода моя поседела, и волосы поредели, а я все еще не покончил с войной: призрак войны все еще заставляет меня изображать войну, и если мне хочется писать солнце, я должен красть время у самого себя, как это делает школьник, когда его тянет на волю, к природе. Но фурия войны снова и снова преследует меня».

В. Верещагин. «Апофеоз войны».

II

Ни один русский живописец того времени не пользовался во Франции таким успехом, как Верещагин.

15 декабря 1879 года в Париже была открыта выставка его произведений, на которой экспонировалось около 300 картин и этюдов. К тому же она являлась первой во Франции персональной выставкой русского художника. К ее открытию был выпущен каталог, предисловие к которому написал известный художественный критик Жюль Кларти. Что же касается откликов печати, то, по имеющимся у меня далеко не полным данным, около тридцати парижских газет и журналов отметили на своих страницах эту выставку произведений Верещагина. Почти все статьи были весьма положительного свойства, одна лишь газета «France» отнеслась к выставке недоброжелательно.

В том, что парижская пресса проявила к ней большой интерес, немалая заслуга И. С. Тургенева. Свидетельства об этом имеются в его переписке. Именно он приглашал посмотреть работы Верещагина своих парижских знакомых — литераторов, искусствоведов, журналистов. Мне удалось отыскать и впервые у нас обнародовать текст открытого письма, отправленного Тургеневым в газету «Le XIX-e Ziecle» в связи с открытием выставки произведений Верещагина. В этом обращении великого русского писателя к читателям газеты имеются такие строки (приводим в переводе): «Я не сомневаюсь, что парижская публика окажет благосклонный прием нашему молодому мастеру, чей самобытный и могучий талант был признан более авторитетными и компетентными лицами, нежели я. Особенностью этого таланта является упорное искание правды, физиономии, типического в природе и в человеке, которое он передает с большой верностью и силой, порой несколько суровой, но всегда искренней и величественной». Говоря далее, что «военные сцены», созданные Верещагиным, лишены «всякого шовинистического духа», Тургенев особо отмечал, что художник стремится показать все стороны войны: патетическую, уродливую, страшную (см. мою статью «Тургенев и художник В. В. Верещагин. (По новонайденным материалам)». «Литературное наследство», том 73-й. «Из парижского архива И. С. Тургенева», кн. 1. М., 1964, с. 291—336).

Уже в первые дни открытия этой выставки в Париже Верещагин имел все основания писать Стасову о том на редкость теплом приеме, который она встретила у публики. В одном из тех писем художника такие слова: «Успех выставки оказывается огромный; народу очень много, отзывы самые лестные». В другом письме овеянные счастьем строки: «Так называемый успех (succès) моей выставки растет, как снежный шарик; буквально весь город ею занят, народу валит пропасть. Всех заметок в газетах не собрать». И, как бы обобщая собственные впечатления о закрывшейся выставке, Верещагин писал Стасову: «Успех был громадный, какого я не имел и в Питере. Не только самая улица, но и соседние были заставлены линиею экипажей. Не только в самых комнатах, но и на лестнице стояла густая толпа народа. Все соглашаются, что это было évenement <событие>». Действительно, судя по всем данным, успех тогдашней выставки Верещагина в Париже превзошел все надежды художника, все ожидания Тургенева. То был подлинный триумф.

С таким же пытливым вниманием знакомились французы с творчеством Верещагина на четырех его персональных выставках, устроенных в последующие годы в Париже при жизни художника. Но, пожалуй, лучше всех своих соотечественников оценил его вклад в историю мирового изобразительного искусства Жюль Валлес, блестящий журналист, писатель-революционер, участник Парижской коммуны. Вот что Валлес говорил о художнике: «Работа Верещагина — противодействие тому яду, который на школьных скамьях вливался и еще поныне вливается в наши души: безумию храбрости, исступленности ложного героизма. И, чтобы уничтожить эту ложь воспитания, чтобы искоренить зло вековых традиций, он не пытался идеализировать мир в пошлых, безвкусных аллегориях, он просто восстановил с ужасающей точностью, с эпическим реализмом истинный образ войны: кровь, развалины, пламя, наглую гнусность резни. И за это — воспоминание о нем не изгладится из благодарной памяти народов. Василий Верещагин хорошо послужил человечеству».

Случилось так, что наш замечательный художник послужил Франции в тяжкую годину, когда нацисты готовились к оккупации Франции и вскоре заняли Париж.

III

3 сентября 1939 года французское правительство объявило Германии войну. Началась «странная война», так как на протяжении десяти месяцев войска Франции и Англии практически не выступали, оставаясь неподвижными перед лицом противника, хотя превосходили его и в численности, и в материальном обеспечении. То была война без военных действий. К тому же во Франции нарастал процесс моральной демобилизации. Главную роль в этом играли Лаваль, Шотан, Фланден, поддерживаемые маршалом Петеном.

И в этой зловещей обстановке, когда войска коварного врага были готовы к вторжению во Францию и к оккупации Парижа, там 21 февраля 1940 года выходит номер прогрессивного еженедельника «Marianne» («Марианн») с воспроизведением монтажа, поразительного по смелости: к огромной массе черепов, изображенных на картине «Апофеоз войны», прислонился лежащий на земле, со свастикой на рукаве, предельно перепуганный Гитлер, с ужасом глядящий на скелет с косой, задрапированный в белый балахон. Под изображением скелета слова: «Sa dernière alliée» («Его последняя союзница»).

Через пять с небольшим лет после появления этого монтажа, навеянного картиной Верещагина, Советская Армия окончательно разгромила фашистские полчища, а «последняя союзница» бесноватого Гитлера повергла его в прах.

ВОЙНЫ»
ТИВ ФАШИЗМА

Теперь вкратце о создателе еженедельника «Марианн». Им был воинствующий борец за мир Эммануэль Берль (1892—1976), сотрудник Анри Барбюса. Основал «Марианн» и стал ее главным редактором Берль в 1933 году, когда к власти в Германии пришли фашисты. Вот что он писал впоследствии в своей книге «Конец III Республики.— 10 июля 1940 г.», вышедшей в 1968 году в Париже: «Если я ненавидел III рейх, то прежде всего потому, что он нес в своем чреве войну. Гитлер не мог без нее существовать и сам не верил, что может... Я не только упорно держался своей ненависти ко всем фашистам, но и предсказывал им гибель. В 1920-е годы около двух лет я сражался вместе с Барбюсом «с фашизмом и войной»... С отроческих лет я постоянно испытывал любовь к России, еще до того, как она стала большевистской, и после того, как она стала большевистской».

Основанный Эммануэлем Берлем еженедельник «Марианн» отразил на своих страницах в тяжкие для Франции времена его ненависть к фашизму и его любовь к России, талантливым сыном которой был Верещагин.

В одном из писем Верещагина имеются такие яркие и вещие слова: «...живопись — язык всемирный, надобно только хорошо изучить этот язык, чтобы уметь говорить на нем со всеми как следует».

Василий Васильевич Верещагин был тем замечательным художником, который не только постиг этот всемирный язык, но и до сих пор, спустя восемьдесят лет после своей трагической гибели, говорит на нем со всеми людьми доброй воли.

IV

И, наконец, последнее. У читателей моих статей, объединенных общим заголовком «Парижские находки» и печатающихся в «Огоньке», может, естественно, возникнуть такой вопрос: «Каким образом во время поисков во Франции реликвий русской культуры мне удалось узнать о том, что ныне в так невероятно редко встречающемся даже в Париже номере еженедельника «Марианн» за 1940 год появился предсказующий скорую гибель злодею Гитлеру монтаж, первоосновой которого явилась знаменитая картина Верещагина?»

А получилось это по грибоедовскому выражению: «Шел в комнату, попал в другую».

Встречи со многими русскими парижанами оставили во мне лучшие воспоминания, так как к моим поискам творческих рукописей и эпистолярного наследия отечественных писателей, произведений выдающихся русских художников наши соотечественники не только относились благожелательно, но часто были готовы отправить на Родину находившиеся у них реликвии русской культуры. В числе таких русских парижан оказался Владимир Александрович Верещагин, сын младшего брата художника. Узнав от знакомого французского литературоведа, что Владимир Александрович и его жена Мария Николаевна были дружны с Надеждой Александровной Лохвицкой, талантливой русской писательницей, выступавшей под псевдонимом Тэффи (1872—1952), и что она завещала им часть своего архива, я встретился с ними. Был рад узнать, что сообщенное мне соответствует истине.

С большим вниманием Владимир Александрович отнесся ко мне, в частности, потому, что я сообщил ему о существовании публикации письма Л. Н. Толстого с восторженным отзывом о рукописи книги «Дома и на войне», принадлежащей его отцу. Будучи в чине генерал-майора, Александр Васильевич занимался также литературной деятельностью. Но сын не знал, что в 63-м томе полного собрания сочинений Л. Н. Толстого было опубликовано его письмо к В. В. Стасову, где идет речь о рукописи будущей книги А. В. Верещагина «Дома и на войне». В письме имеются такие строки: «Вы не ошиблись о Верещагине. Это именно тот художественный историк войны, которого не было — поэтический и правдивый. Очень бы желал, чтобы книга эта была напечатана. Он мне очень, очень понравился. Это не художник, а лучше, трезвый, умный и правдивый человек, который много пережил и умеет рассказать хорошо то, и только то, что он видел и чувствовал. А это ужасно редко». 27 ноября 1967 года я отправил копию этого письма Л. Н. Толстого Владимиру Александровичу, и он сердечно поблагодарил меня за этот подарок.

Что же касается бумаг Тэффи, сохранившихся у В. А. и М. Н. Верещагиных и полученных мною, то они и были отправлены в ЦГАЛИ. Их большой интерес несомненен: здесь оказались воспоминания Тэффи «Моя летопись», где она рассказывает о писателях, художниках, музыкантах, с которыми встречалась, рукописи ее рассказов и басен, на многих из которых правка Аркадия Аверченко, связки ее писем, дарственные надписи на книгах, изобразительные материалы, статьи о поэтессе и многое другое.

И только теперь я подошел к тому, чему обязана своим существованием эта статья.

В одной из бесед с Владимиром Александровичем я узнал, что он чудом сохранил тот номер еженедельника «Марианн», в котором был опубликован монтаж, направленный против Гитлера,— ведь этот монтаж создан на фоне картины дяди Владимира Александровича. Вполне понятно, что, когда фашисты заняли Париж, все, кто имел тот номер еженедельника, его уничтожали. Несомненно, что во всей Франции ныне таких экземпляров уцелело считанное количество, а один из них оказался у В. А. Верещагина. Конечно, я попросил разрешения сфотографировать этот пророческий монтаж. Теперь жалею об одном: когда в 1966 году встречался в Париже с В. А. и М. Н. Верещагиными (а они уже давно скончались), я не догадался попросить их подарить тот весьма примечательный номер «Марианн» одному из наших военных музеев.

Фотомонтаж, опубликованный парижским еженедельником «Марианн» 21 февраля 1940 года.

Наталья **КАЙДАЛОВА**

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

Театр-студия на Юго-Западе. О нем говорят как об одном из отрадных и значительных явлений социальной и культурной жизни: самодеятельный коллектив, родившийся в среде рабочей молодежи, завоевал любовь зрителей и стал культурным центром большого района Москвы. Недавно театру присвоено звание Народного, в его репертуаре уже два десятка спектаклей.

А на первых порах это была почти домашняя труппа, состоявшая из братьев и сестер, из бывших одноклассников — талантливых, обаятельных, артистичных ребят. Режиссер Валерий Белякович, тогда двадцатичетырехлетний студент педагогического института, зажег их любовью к театру. После работы ставили спектакли, приучились все делать самостоятельно, одновременно и быстро: пока шли репетиции, тут же сооружались декорации, готовились костюмы, мизансцены отрабатывались сразу в световом и музыкальном оформлении — и возникал облик спектакля, рождались сценические образы.

Заботой Гагаринского райисполкома артисты получили маленький, но постоянный зал на сто мест.

Но зрителей сюда стремилось гораздо больше, в театре с самого начала не было скучных, проходных, забывающихся спектаклей: артисты завораживали вдохновением, темпераментом, юмором и фантазией.

Театр поддерживали, помогали чем могли, но и при всем этом можно сегодня подивиться упорству, силе духа, трудолюбию и талантливости, которые понадобились, чтобы кружку непрофессиональных актеров стать театром, с успехом играющим трудный и высокий репертуар — ежегодно театр дарит зрителю три-четыре премьеры.

Короткая биография руководителя театра (В. Р. Беляковичу 34 года) необычна даже для нашего времени сверхскоростей и сверхзадач. По окончании десяти классов — техникум и специальность монтажника радиоаппаратуры; служба в армии и медаль за спасение человека; в двадцать с небольшим лет он депутат поселкового Совета; после педагогического института — второе высшее образование, режиссерское.

У Валерия Беляковича есть свой режиссерский взгляд, определяющий путь театра как движение от водевиля к высокой комедии, от нее — к драме и трагедии. И даже путь отдельного спектакля: преображение комедии в драму, смешного — в высокое, лирическое и трогательное, фарса — в трагедию. Все спектакли Театра на Юго-Западе живут не в отдельности, а в контексте целого, подобно тому как талант актера здесь раскрывается не только в своей роли, но в слаженности ансамбля. Они художественно завершенные произведения и в то же время — фрагменты одного полотна. Не повторяясь, каждый спектакль продолжается в следующем, преломляя по-новому, на новом материале близкие театру мотивы и образы, обогащаясь новыми красками, поворачиваясь разными гранями. Многое от водеви-

В. Авилов в роли Гамлета.

В гримерной.

«Урок дочкам»

И. Крылова. Фекла — О. Задохина.

в профессии, но и в артистизме натуры: Мольер в одноименном спектакле, героиня «Старого дома» А. Казанцева — и рядом с ними фантазеры Бронька Пупков из «Миль пардон, мадам!» В. Шукшина и Гусев в «Самозванце» Л. Корсунского — они живут в мире ярких грез, подобно тому как артисты живут в воображаемой реальности спектакля.

Но есть особенность в Театре на Юго-Западе: театральное в нем равно «человеческому», артистическое и условное — правде жизни. Лучшая из реалистических традиций: интерес к человеку, к его природе, не вмещающейся в схему, своего рода установка на человека как смысл и цель искусства—вошла в образный мир театра вместе с выдающимися произведениями мировой драматургии, стала частью его эстетики. Вся совокупность театрального чуда, вся «иллюзия»—лишь средство, подчиненное «человеческому» смыслу спектакля. Мягкий юмор, которым окрашены спектакли, полон любви к людям, а сатира и ирония, порой очень ядовитые, лишь оттеняют серьезное и поэтическое. Актер одушевляет гротескную маску. Под ней светится живое лицо, оно может быть добрым, прекрасным, благородным или, напротив, низким, коварным, ничтожным, но это всегда будет образ души человеческой, вызывающей живой отклик. Два полюса— игровое и непосредственное, сверхартистизм и безыскусственность, шутовская личина и искренность, создающая в какой-то острый момент спектакля иллюзию исчезновения театральной формы,— сходятся, и тогда театр сливается с жизнью.

Шукшинские герои — Бронька Пупков и «Спиноза» Князев—они почти пародия на настоящую жизнь и творчество, но как в игре Авилова преображается ирония в сострадание их непримиримости и беззащитности перед холодом объективных фактов, не пропускающих в себя их наивного сочинительства, их детского, непосредственного чувства! Образец самовоспитания и способности к развитию, Шукшин по-человечески близок театру-самородку, монтаж девяти рассказов — это спектакль о самом Шукшине. Режиссура спектакля сближается с режиссурой Шукшина в кино — в ней много диалога и изображения, игры лица, жеста, передающего оттенки смысла и пластику слова. В стремительном ритме, подобном ускоренному темпу жизни, в хороводе мизансцен перед зрителем проходят духовные единомышленники и противники автора. Все они по-шукшински мучаются «из-за проклятого вопроса — что есть правда», и спектакль по-доброму, мягко и поэтично утверждает закон сердца и совести, подчеркивает их жажду искреннего контакта с людьми и мира с самими собой, их острую потребность примирить идеал и практику человеческой жизни.

Спектакль полон грустного очарования и яркого веселья, обаяния лукавой шукшинской интонации. В лирическом финале на подмостках деревенского клуба мы узнаем жизнь самого театра — все участники собираются на репетицию. И артисты показывают, как совместное творчество укрощает враждующие страсти и примиряет героев в предвкушении праздника. И в последней тишине, в заключительной сцене звучит значительная мысль Шукшина о желанной гармонии доброты и образованности, ума и сердца.

На сопоставлении и контрасте смешного и высокого, обыденного и творчески вдохновенного в спектаклях Театра на Юго-Западе создается атмосфера нравственного решения, выбора и поступка. Это достигается без назидания и поучения. Просто искусство этого театра, исповедь художника, звучащая в нем, обостряют зрение души.

лей с их каскадным весельем и пристрастием к современному ритмическому рисунку перешло в «Женитьбу» Гоголя; композиции по рассказам Чехова и Шукшина перекликаются присутствием в спектакле литературного портрета автора, полемическим тоном, контрастностью, даже полярностью психологических и социальных типов. А тема войны как исторической и народной трагедии в «Русских людях» К. Симонова образно, зрительно начата в финале «Гамлета» ярко театральным превращением колонн дворца в пушечные жерла, угрожающие миру катастрофой.

Театр на Юго-Западе — принципиально не «бытовой». Для него типична заостренность театральной формы, преувеличенность игры, жеста, мимики, пластики, подчеркнутая артистичность в подаче текста — в произнесении слова, в интонации. Артисты говорят и приподнято, и безыскусственно и всегда, даже с хрестоматийного текста, они как будто снимают верхний, зачитанный слой, открывая и глубину мысли писателя, и его время, и то, что относится ко всем временам.

Музыка в спектаклях Театра на Юго-Западе — активный участник и строитель действия, а оно может происходить одновременно на разных участках сцены, но непременно в едином для всего спектакля музыкальном ритме. Музыка не только создает пластический образ, но и помогает осмыслению драматургии. И трудно представить себе булгаковского Мольера без летящей пластики ведущего артиста труппы Виктора Авилова; или Гоголя без музыкальной пантомимы С. Беляковича и А. Ванина; или «Дракона» Е. Шварца без эксцентрического фарса Бургомистра — В. Гришечкина. В величавой, торжественной музыкальной теме «Гамлета» слышны трагические ритмы истории, «разорванного», смутного, переходного времени; в текст К. Симонова в «Русских людях» вступают песни из военного цикла В. Высоцкого, канонада — жестокая музыка войны — монтируется с монологами, мизансцены боя сменяют друг друга с кинематографической непрерывностью,— все рождает мелодию борьбы, мужественного натиска и прорыва из окружения.

Гоголь в Театре на Юго-Западе современен и по форме, и по стилю. Но при этом театр обходится без «аллюзий» и «проекций на современность», справедливо полагая, что при бережном и внимательном отношении к тексту в нем выявится и его вечная жизненность, и современное звучание. В «Ревизоре» фарс — игра в славу, карьеру, богатство, самообман и воображаемая реальность — в финале обращается в свою противоположность, трагическую простоту ожидания суда. А во «Владимире третьей степени» над всем торжествует громовой гоголевский смех, опрокидывающий и будто мощной волной смывающий засилье пошлости,— хохочет зал над мышиной возней чиновников и лакеев, над хороводом «косноязычных» душ.

Каждая фальшь, притворство, глупость или заблуждение комического персонажа выражены смехотворным фарсовым жестом, позой, личиной.

Тема актера и театра — общая для многих спектаклей Беляковича. В музыкальных и пластических образах разыгрываются комедия и драма актерской жизни. И как бы ни были заразительно веселы эти танцы и песни, всегда рядом с ними слышна щемящая нота, напоминающая о судьбе артиста — коротком времени праздника и счастья и о постоянстве труда и вечности искусства. Причем дело не только

НОВЫЕ КИЛОМЕТРЫ

За 37 лет своей истории многодневная велогонка Мира стала одной из самых популярных и престижных среди родственных ей велосипедных соревнований. Рожденная на дорогах Чехословакии, Польши и ГДР в 1948 году, она неустанно выдвигает все новых и новых великолепных мастеров-шоссейников, и среди них ведущими издавна считаются велогонщики СССР.

Впервые команда СССР вышла на старт велогонки Мира в 1954 году и тогда заняла всего лишь шестое место, на ходу осваивая все премудрости многодневной борьбы, в которой не так-то легко постичь стратегию и тактику командных соревнований, способность каждого члена команды сохранять силы и на дистанции, и на финише, поддерживая усилия лидера, «работая» на него.

В 1956 году наша шестерка впервые получила золотые медали, а личное первенство советскому спортсмену удалось завоевать лишь семь лет спустя после первого старта команды. Победу одержал Ю. Мелихов. Вслед за ним лавровый венок ложился на плечи Г. Сайдхужина, Г. Лебедева, А. Пиккуса, А. Аверина, С. Сухорученкова, Ю. Баринова, Ш. Загретдинова и снова С. Сухорученкова. Такие результаты — своеобразный рекорд гонки Мира, но это не значит, что победы давались советским гонщикам легко: их оппоненты всегда вели борьбу до последнего поворота колеса, и в этом смысле результаты гонки нынешнего года вполне закономерны. Если гонка-84 закончилась победой советских спортсменов и в командном, и в личном зачете, то в этом году наши гонщики не смогли добиться полного успеха. Но новая глава в истории гонки Мира будет привлекать к себе внимание тем, что велогонщики впервые выступили на дорогах Москвы.

После пролога 8 мая в Праге 132 участника гонки Мира, посвященной 40-летию Победы над фашизмом, разместились в двух самолетах Аэрофлота и были переброшены в Москву, где они уже на следующий день вышли на старт 130-километровой кольцевой дистанции. И хотя имена чемпионов велогонки определились лишь 22 мая в Берлине, впервые они заявили о себе в Москве после еще двух гонок: на знаменитом олимпийском кольце в Крылатском на дистанции 136 километров и в командной гонке на 50 километров. В сумме трех московских гонок лидером в личном зачете стал поляк Л. Пясецкий, а в командном — советские гонщики. И когда после московского новоселья велосипедный караван вернулся на старую испытанную трассу, на протяжении всех ее двенадцати этапов никто не мог поколебать успеха, заложенного на дорогах Москвы. В командном зачете в девятнадцатый раз победила советская шестерка (на этот раз она выступала в таком составе: Юрий Каширин, Петр Угрюмов, Рихо Суун, Александр Завьялов, Василий Жданов и Виктор Климов), а в личном первым был поляк Л. Пясецкий.

Новые километры гонки Мира оказались в конце концов решающими.

В. ЯКОВЛЕВ

Про модные туфли и про сапожника

Повезло мне: купила модные туфли-«тапочки». Но через часок стали побаливать пальцы. Я приуныла: неужели в комиссионный относить?

— Что ты там причитаешь?— спросил муж.

— Такая обида — жмут!

— Снеси в мастерскую, пусть поставят на колодки...

Что ни говори, а мужчины в технике разбираются лучше нас. Утром пошла в мастерскую, что неподалеку от нашего дома. Ну, думаю, сегодня ОН на меня кричать не будет — всего-то-навсего растяжка. Дело в том, что есть в той мастерской один мастер, лично я его боюсь. Дважды я приносила туда сапоги: чуть срезать каблуки. Я не девочка, пусть молоденькие ходят на «шпильках». Первый раз он долго меня отчитывал: «Зачем брала? Нельзя каблуки срезать. У тебя что, деньги лишние? Не буду вещь портить!» Я все-таки упросила. Правда, на обороте квитанции мастер приказал написать: «Без претензиев».

...С легким сердцем вошла я в мастерскую. Объяснила приемщице, что требуется. «Не делаем!»— сказала она и припечатала туфлю к прилавку.

— А где можно сделать?

— Нигде!

Ну, думаю, пусть ругает. И попросила:

— Вызовите, пожалуйста, вашего сердитого мастера.

— Не работает, ушел на пенсию!

Знал бы он, как я опечалилась. Я побывала еще в двух мастерских, и везде: «Не делаем». Так я вошла в 204-ю мастерскую, что на Волоколамском шоссе. На стене плакат: «Уважаемые товарищи! Вас обслуживают обувщики: заведующий В. Н. Филатов, Н. М. Котов, А. П. Тычков. Гарантируем высококачественный и срочный ремонт обуви». И фотографии трех симпатичных парней.

К стойке подошел приветливый работник.

— С чем к нам?

Плакат плакатом, подумала я, но ведь мне нужно растянуть, а это «нигде!»—и потому робко так:

— Вот, жмут туфли, растянуть бы надо...

— Пожалуйста, только на эту операцию у нас, к сожалению, срок неделя. Очередь большая. Когда получите, не сдирайте наклеечки, а походите, попробуйте. И если что не так, приносите — подправим.

От изумления я, как говорится, разинула рот. От такого обслуживания мы отвыкли!

Я достала блокнот и записала рассказ заведующего.

Как известно, служба быта проводит экономический эксперимент. Эта мастерская первая на фабрике перешла на новую форму обслуживания — договорную. Практически это выглядит так: деньги после выполнения заказа. Это улучшило качество и сократило сроки исполнения. Многие виды работ выполняются в течение дня. Материальная заинтересованность обувщиков повысилась. Бригадный метод позволяет мастеру делать ту операцию, которая ему больше удается. Раньше было так: пока кто-то одну «молнию» вставит (в денежном выражении это примерно два рубля), другой за то же время десять набоек поставит, а это десять рублей. Теперь деньги идут в общий котел, зарплата у всех равная, и повысилась она на тринадцать процентов. Еще я записала, что в мастерской девять машин и все отечественные. В «Книге жалоб» одни благодарности.

— Заказчики довольны, и нам приятно. Мы все трое по очереди выходим на прием. Делаем это охотно: одно дело — отказывать и совсем другое — выполнять пожелания,— говорит В. Н. Филатов.

Вот и я ушла «без претензиев», в хорошем настроении. А ведь чуда никакого не произошло. Просто люди добросовестно работают.

Москва. Р. ЛИХАЧ

Природа — наш дом

ЦЕЛЕБНОЕ ПОЛЕ

Ромашка, валериана, зверобой, шалфей... Кто сегодня не знает о целебных свойствах этих растений? Как пополняется их семья? Какие новые лекарственные растения открыли ученые? Можно ли «приручить» дикорастущую целебную аптеку, планомерно выращивать в культурных условиях?

Об этом наша беседа с заведующим лабораторией агротехники Всесоюзного научно-исследовательского института лекарственных растений кандидатом сельскохозяйственных наук Е. Е. ХЛАПЦЕВЫМ.

— Выращивание диких растений — процесс чрезвычайно трудный, иногда вообще неосуществимый. И все-таки, если ресурсы лекарственного растения в природе ограничены или ничтожно малы, наш институт начинает работу по введению их в культуру. Путь этот долгий. Сначала проводятся географические испытания. У института имеется 9 опытных станций, расположенных в самых различных почвенно-климатических зонах нашей страны: на Дальнем Востоке, в Крыму, Молдавии, на Украине... На опытных станциях проверяют, в какой зоне растение лучше растет и содержит больше необходимых для лекарства компонентов.

— Допустим, географические испытания прошли удачно, что дальше?

— Тогда растение передается к нам, в лабораторию агротехники. Мы получаем семена с указанием, когда сеять или сажать, чем удобрять. Дальнейшие разработки ведем на больших делянках. При институте есть ботанический сад, в котором произрастает более двух тысяч видов из разных климатических зон. Такой ботанический сад в нашей стране единственный. В нем и ведется выращивание ценных трав. Осложняет работу еще и то, что лекарственные растения имеют в основном очень мелкие семена. Например, семена датиски коноплевой настолько мелки, что хорошо рассмотреть их можно только с помощью лупы.

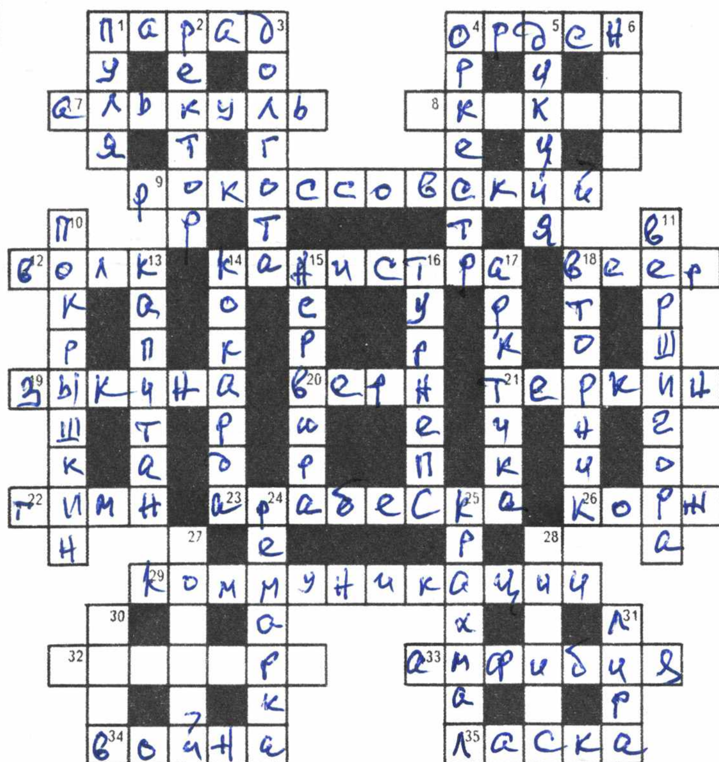
Семена передаются специализированным совхозам. Их 27. Совсем недавно, например, мы внедрили в совхозное производство очень интересное лекарственное растение — маклейя. В нашей стране оно не растет. Мы получили посадочный материал через международную систему ботанических садов. И вот из него получено антимикробное средство, применяемое в хирургии, стоматологии, гинекологии. Около 50 видов лекарственных растений выращивают сейчас на полях совхозов.

— А что делается для облегчения ручного труда, которого так много в этой области?

— Создаются специальные машины. Совсем недавно ромашка аптечная убиралась только вручную. Усилиями лаборатории механизации нашего института в содружестве с другими организациями была сконструирована машина, которая срезает соцветия ромашек. Созданы также сеялка для мелкосемянных лекарственных растений, машина для уборки и мойки корней валерианы.

Беседу вела О. НИКИТИНА.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Торжественное прохождение войск. 4. Государственная награда за особые заслуги. 7. Озеро в Казахстане. 8. Отступление от главной темы для освещения дополнительного вопроса. 9. Маршал Советского Союза. 12. Советский космонавт. 14. Бак с герметической крышкой для хранения жидкостей. 18. Опахало. 19. Певица, народная артистка СССР. 20. Французский писатель-фантаст. 21. Герой поэмы А. Т. Твардовского. 22. Торжественная песня. 23. Музыкальная пьеса для фортепьяно. 26. Один из командиров партизан в Белоруссии, Герой Советского Союза. 29. Пути сообщения. 32. Птица, обитающая в хвойных лесах. 33. Боевая машина, передвигающаяся по суше и воде. 34. Роман И. Ф. Стаднюка. 35. Животное семейства куньих.

По вертикали: 1. Часть боевого патрона. 2. Руководитель высшего учебного заведения. 3. Одна из географических координат. 4. Коллектив музыкантов. 5. Произношение. 6. Приток Оки. 10. Маршал авиации, трижды Герой Советского Союза. 11. Писатель-партизан, Герой Советского Союза. 13. Офицерское звание. 14. Значок на форменном головном уборе. 15. Поперечный элемент конструкции крыла самолета. 16. Кормовая репа. 17. Полярная область Земли. 18. День недели. 24. Пояснение автора к тексту пьесы. 25. Углевод растений. 27. Порт во Вьетнаме. 28. Самая яркая звезда. 30. Приток Десны. 31. Северное созвездие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 25

По горизонтали: 5. Квадрат. 6. Стетоскоп. 8. Транспортир. 12. Бражник. 14. Крохаль. 19. Гигиена. 20. Кладофора. 21. Айболит. 22. Гонг. 23. Демилитаризация. 24. Арат. 25. Поросль. 26. Степанков. 28. Алексин. 29. Арамиль. 30.Норфолк. 31. Мобильность. 34. Амплитуда. 37. Тактика.

По вертикали: 1. Шкот. 2. Мартос. 3. Престо. 4. «Утро». 6. Саранск. 7. «Природа». 9. Преподаватель. 10. Касательная. 11. Катализатор. 13. Краситель. 14. Кропилкин. 15. Пирогов. 16. Диагноз. 17. Ромашка. 18. Витамин. 26. Спиноза. 27. Верстка. 32. Люлька. 33. Натрий. 35. Мета. 36. Драп.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Башкирский колхоз «Искра» Илишевского района. Маме Рафиля Ахмарова по душе работа сына (см. в номере материал «Шесть дней хорошей погоды»).
Фото Дм. Бальтерманца

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: 9 мая. Велогонка Мира в Москве (см. в номере материал «Новые километры»).
Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 03.06.85. Подписано к печати 18.06.85. А 00367. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 1566. Заказ № 758.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

бывает и такое?

Юмор

По грибы

В этом маленьком коллективе все почему-то относились друг к другу с повышенной возбудимостью. Вернее, кто-то кого-то обязательно недолюбливал. Вот в такую-то среду и попал молодой специалист Алеша Соколович.

Алеша, когда устраивался на работу, многого не знал. Он не знал, например, что Фаина Ефимовна терпеть не может Галину Федоровну, а та ее и обе они не переносят Елену Анатольевну. Елена Анатольевна просто удручена от постоянного присутствия Сергея Сергеевича, а тот взрывается от каждого слова заведующего Иноземцева, который боится всех и доверяет только лаборанту Елкину, но и тому не решился бы положить палец в рот.

Алеша Соколович парень был простодушный и невнимательный, поэтому, не разобравшись ни в чем, с ходу заявил:

— А давайте организуем все вместе выезд на природу, можно, например, по грибы!

— Действительно,— сказала Елена Анатольевна, выразительно взглянув на Сергея Сергеевича.— Кое-кому пора пополнить грибную закуску.

Сергей Сергеевич моментально взорвался.

— Товарищ Иноземцев,— сказал он.— Я прошу, чтобы вы прекратили всякие гнусные инсинуации.

— Я-то здесь при чем?— спросил Иноземцев.— Товарищи, давайте работать. Соколович, прекратите инсинуации.

— Как?— спросил Алеша.— Я просто предложил всем вместе собраться.

— А что?— поддержала Фаина Ефимовна.— Как вы на это смотрите, Галина Федоровна?

— Ну, конечно,— ответила та, внутренне напрягаясь и ожидая скрытого подвоха.— Боюсь только, ваша прекрасная инициатива, Фаина Ефимовна, как всегда, обречена на провал...

— Так-так,— сказала Фаина Ефимовна.— Так-так.

— Затакала,— громко прошептал Елкин около батареи.— Такалка.

— Я прошу вас,— умоляюще сказал Иноземцев.— Работайте, товарищи.

— Товарища нашел,— еще громче прошептал Елкин.— Как что — Елкин. А как надо — товарищ.

— Что вы там бормочете?— неприязненно спросил Сергей Сергеевич.— Говорите громче.

— Тише, товарищи,— сказал Иноземцев,— все работают.

— А почему, собственно говоря, тише?— возвысил голос Сергей Сергеевич.— Что вы здесь драконовые порядки устраиваете? Почему нам нельзя в коллективе обсудить предложение нашего молодого сотрудника? А? Я вас спрашиваю? Почему вы зажимаете инициативу на местах?

— Так!— взорвался Сергей Сергеевич.— Травля усиливается. И все с вашей руки, товарищ Иноземцев! С вашего прямого ведома!

— Нет, это черт знает что!— вскричал Иноземцев.— Что вы хотите?

— Я хочу, чтобы прекратили инсинуации,— спокойно сказал Сергей Сергеевич.— И травлю.

— Немедленно прекратите инсинуации, травлю и инициативу на местах,— сказал Иноземцев, ни к кому, собственно, не обращаясь, и тотчас же замолчал, уткнувшись в бумаги. Все тоже молчали, вроде бы удовлетворенные началом рабочего дня.

— Нет, а почему вы говорите, что эта инициатива обречена на провал?— отчетливо проговорила Фаина Ефимовна, обращаясь к Галине Федоровне.

— Я это не говорила,— нахально солгала Галина Федоровна.— Вечно вам все мерещится...

— Я знаю, кому тут мерещится,— загадочно произнесла Елена Анатольевна.— Кто уже давно галлюцинирует...

— Ага!— вскричал Сергей Сергеевич.— Вы слышали, товарищ Иноземцев? Примите же наконец меры. Или вы как руководитель совершенно несостоятельны?

— Он состоятелен,— громко прошептал Елкин.— Такую дачу отгрохал. Ничего, сколько веревочке ни виться...

— Соколович!— почему-то обратился к нему Иноземцев.— Я же вас предупреждал...

— А что?— сказал Соколович.— Я же только предложил всем вместе съездить как-нибудь за город. По грибы. Я грибные места знаю.

— А почему бы и нет?— спросила Фаина Ефимовна. Она выразительно посмотрела на Галину Федоровну.— Так хорошо отвлечься на природе от всего угнетающего, подавляющего твою психику.

— Психику восстанавливают в клинике,— сообщила Галина Федоровна словно невзначай.

— Ну-ну,— сказала Фаина Ефимовна.— Ну-ну-ну.

— Занукала,— прошептал отчетливо Елкин.— Нукалка.

— Нет!— крикнул вдруг Иноземцев.— Хватит! Едем за грибами.

Да, да,— повторил он во внезапно наступившей тишине.— Немедленно. Сейчас же. Сию минуту. Соколович, если вы прекратили инсинуации, показывайте ваши грибные места.

— Как?— опешил Алеша.— Прямо сейчас?

— А во что собирать будем?— забеспокоилась Фаина Ефимовна.— В карманы?

— У меня портфель,— сказал Сергей Сергеевич.— Я запасливый.

— А у меня сумочка,— подхватила Елена Анатольевна.

— Стоп!— сказал вдруг Иноземцев.

Все с тревогой посмотрели на него.

— Стоп!— повторил Иноземцев.— Мы же забыли, какой сегодня месяц.

— А что такое?— спросил Сергей Сергеевич.— Квартальный отчет?

— Да нет же, нет,— сказал Иноземцев.— Май.

— А верно,— огорченно сказал Сергей Сергеевич.— Май ведь... Какие к черту грибы!

— И я забыла,— разочарованно произнесла Елена Анатольевна.— Совсем из головы вылетело...

— А я и не знала, что в мае их нет,— произнесла Галина Федоровна.— Я их ни разу не собирала.

Соколович улыбнулся.

— Я ведь просто так предложил,— сказал он.— На будущее.

— Опять ничего не поняли,— сказал Иноземцев.— Ну, на что я намекал? Какой нынче месяц?— И так как никто не отвечал, недоуменно смотря на него, он сказал торжественно: — Березовый сок пошел, вот что!

— Ура!— крикнула Елена Анатольевна.— Едем пить березовый сок, я ни разу в жизни не пила его прямо в лесу.

— А у меня, братцы, стакан есть,— сказал Елкин несколько сконфуженно.

— Будем пить из одного стакана,— сказала Елена Анатольевна.— По примете — узнаем, какие у кого мысли... Все дурные лучше выбросить вон заранее.

— Товарищи...— начал растроганно Иноземцев.

И тут впервые все посмотрели друг на друга другими глазами.

А. ТРАПЕЗНИКОВ

Когда нет искры.

Фото А. НАЙДЕНОВА

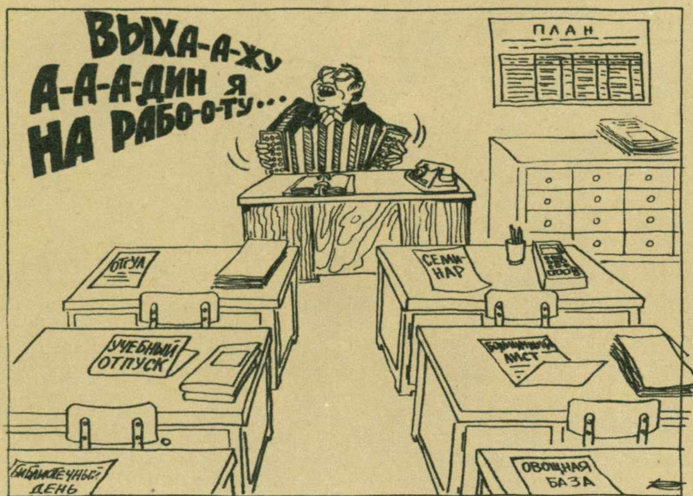
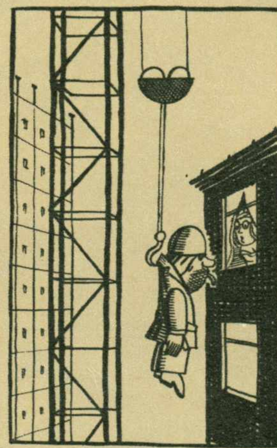

Рис. К. Рыбалко

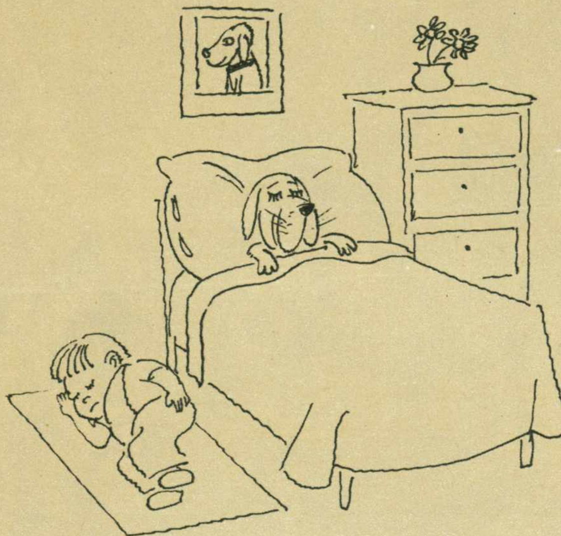

— Хозяйка! Есть плитка импортная за пять тридцать.

Рис. В. Воеводина

Рис. С. Ашмарина, г. Свердловск

Дружок заболел.

Рис. Ю. Черепанова

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663